

МОЛОДЕЖЬ В ЗОНЕ РИСКА

**социально-культурные
основы
профилактики
пьянства и алкоголизма**

Коллектив авторов

**Молодежь в зоне риска.
Социально-культурные
основы профилактики
пьянства и алкоголизма**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2015

УДК 316.624-053.6:613.81
ББК 60.54

Коллектив авторов

Молодежь в зоне риска. Социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / Коллектив авторов — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2015

ISBN 978-985-08-1918-5

В монографии представлено комплексное исследование формирования культуры личности как основания предупреждения и преодоления пьянства и алкоголизма в молодежной среде в контексте социально-экономического развития Республики Беларусь. Всесторонне исследован феномен пьянства как в условиях историко-культурного развития белорусского общества, так и на современном этапе, что позволило представить общую картину опасности и вреда этой формы девиантного поведения. Особое внимание уделяется развитию духовно-нравственных компонентов внутреннего мира человека, формированию здорового образа жизни и культуры досуга в качестве факторов предупреждения различных социальных девиаций. Для исследователей, преподавателей, воспитателей, социальных работников, студентов, учащихся и их родителей и всех тех, кого волнует проблема социальной девиантности и поиска путей ее преодоления.

УДК 316.624-053.6:613.81

ББК 60.54

ISBN 978-985-08-1918-5

© Коллектив авторов, 2015
© Издательский дом “Белорусская наука”, 2015

Содержание

Введение	6
1	11
1.1. Человек в условиях транзитивного общества: деформации морального сознания и девиантное поведение	11
1.2. Молодое поколение как субъект выражения требований социального времени	21
1.3. Молодежь как социокультурная группа белорусского общества	29
1.4. Ценностно-правовые ориентации современной молодежи и ее отношение к социальным девиациям	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма

© Институт философии НАН Беларуси, 2015

© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

* * *

Введение

Пьянство и алкоголизм – острейшие злободневные проблемы как в жизни отдельного человека, его семьи, так и в масштабах общества. Употребление людьми спиртных напитков имеет давнюю историю и по-разному отразилось на формировании традиционного образа жизни тех или иных народов. Как весьма убедительно свидетельствуют и всемирная история и повседневная практика, злоупотребление этими напитками оказывает негативное влияние на физическое и моральное здоровье людей, неминуемо ведет к расшатыванию социальных устоев. В условиях современного общества, вставшего на путь освоения новейших информационно-коммуникационных технологий, проблемы пьянства и алкоголизма приобретают поистине глобальный характер и превращаются в один из самых опасных очагов социального напряжения, ведущего к масштабному распространению процесса деградации личности, утрате ею своего человеческого облика и превращения в «скотообразное» существо.

Достаточно широкое распространение пьянства и алкоголизма приобрело характер одной из самых острых социальных проблем белорусского общества. Высокий уровень опасности этого вида девиантного поведения для общества позволяет расценивать распространение пьянства и алкоголизма как внутреннюю угрозу национальной безопасности Республики Беларусь.

Пьянство как социальный феномен, который выражается в систематическом употреблении алкоголя, алкоголизм как заболевание, которое возникает на основе неумеренного употребления спиртного, приобретая массовый характер в обществе, сопряжены с возникновением и обострением множества социально-экономических, политических, культурных проблем. Высокий уровень потребления алкогольных напитков в обществе неизбежно обращается проблемами общенационального масштаба. Прежде всего уровень потребления алкоголя гражданами, превышающий показатель в 8 л. абс. алкоголя на душу населения в год, является, по оценкам экспертов Всемирной организации здравоохранения, той границей потребления, за которой наступает развитие процессов деградации нации.

Распространение пьянства и алкоголизма в масштабах общества связано с огромными человеческими потерями, что негативным образом сказывается на социально-демографической ситуации в целом. Алкоголь является одной из основных причин ухудшения здоровья нации и преждевременной смерти определенной части населения от заболеваний, связанных с его употреблением и отравлением им. Прослеживается прямая зависимость снижения рождаемости или рождения нездорового потомства у лиц, злоупотребляющих алкоголем. По причине алкогольного опьянения зачастую происходят дорожно-транспортные происшествия, пожары, утопления в водоемах, случаи производственного травматизма.

В социально-психологическом плане процесс алкоголизации непосредственно связан с распространением таких явлений, как социальное сиротство, беспризорность, насилие в семье, рост разводов на почве пьянства одного из супругов, хулиганство, бродяжничество и др. Алкогольная зависимость не только вызывает подрыв физического здоровья человека, но и приводит к духовному опустошению, деградации личности, что нередко сопряжено с совершением противоправных действий.

Особенно тревожными и опасными являются случаи употребления алкоголя и злоупотребления им среди молодежи. Алкоголь здесь зачастую воспринимается как атрибут взросления, обретения независимости, самостоятельности. Установлено, что нижняя граница возраста, в котором ребенок впервые пробует алкоголь, опускается до 5–7 лет. Массовое приобщение молодых людей к потреблению спиртных напитков фиксируется сегодня уже в возрасте 13–15 лет.

В настоящее время для молодых людей предоставлены широкие возможности для реализации своих способностей, получения образования, проведения досуга. Однако при видимых на первый взгляд материально-технических преимуществах, которые имеются в условиях современной цивилизации, в молодежной среде все более отчетливо наблюдаются и проблемы социально-морального характера. Так, в последнее время обозначился разрыв между уровнем полученного молодыми людьми образования и их весьма низким уровнем развития нравственной культуры, что особенно заметно на бытовом уровне. В духовном плане все чаще мы сталкиваемся в молодежной среде с проявлениями потребительского отношения к жизни, ростом иждивенческих настроений, нивелированием значения трудовой деятельности. Данная ситуация усугубляется также распространением в СМИ культа насилия, наживы, пошлости, секса, моральной распушенности. Привычным для молодежной среды становится употребление нецензурных выражений, вызывающее поведение, открытое пренебрежение общественными моральными устоями. Эти и многие другие проблемы все более заявляют о себе в общественной и индивидуальной жизни и, соответственно, требуют продуманных, взвешенных действий со стороны государственных и общественных структур.

На остроту духовно-нравственной ситуации в молодежной среде указывает Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая перед студентами и преподавателями белорусских вузов. Опираясь на педагогический опыт А. С. Макаренко, который утверждал, что каждый должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию, и нужно не оберегать человека от такого вредного влияния, а учить его сопротивляться, Глава государства отметил: «Но не каждый школьник обладает силой характера, не каждый может найти занятие по душе. А отсюда проистекают все последствия праздного образа жизни. Некоторые дети не приучены отвечать за себя и свои поступки, легко приобщаются к вредным привычкам. И это наша общая боль. Еще большую тревогу вызывают случаи употребления подростками наркотических веществ, распространения пьянства и алкоголизма среди молодежи».

Осознание опасности, которую обуславливает высокий уровень алкоголизации населения, повлекло за собой разработку и принятие ряда нормативных документов Республики Беларусь, в которых были сформулированы стратегические направления деятельности государства по борьбе с пьянством и алкоголизмом: Концепция государственной антиалкогольной политики (2000 г.), ряд пятилетних Государственных программ национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма.

В Государственной программе национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2011–2015 годы утверждается, что «в течение ряда последних десятилетий в республике отмечается распространение пьянства среди населения, особенно среди молодежи, а также рост числа состоящих на наркологическом учете лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, а также лиц, употребляющих алкоголь с вредными для здоровья последствиями, в том числе несовершеннолетних». Все более очевидным становится то, что решение проблем в данной плоскости не может быть результативным и эффективным только посредством административных и правовых мер запретительного характера, а также специальных медицинских процедур. Остро ощущается необходимость разработки действенных профилактических мер в области образовательно-воспитательной деятельности.

В представленной монографии нашли отражение результаты НИР по проекту «Культура личности как основа предупреждения и преодоления пьянства: разработка образовательно-воспитательной стратегии», который выполнялся в рамках Государственной программы национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма (2011–2015 гг). Актуальность исследования данной темы обусловлена настоятельной жизненной потребностью в последовательном преодолении пагубного воздействия пьянства и алкоголизма на социокультурную атмосферу белорусского общества, на физическое и морально-психологическое состояние личности, а также необходимостью поиска и разработки наиболее

эффективных действий и средств по утверждению здорового образа жизни как альтернативы распространению этого вида девиантного поведения.

В ходе выполнения проекта было проведено междисциплинарное комплексное исследование процесса развития культуры личности в качестве ведущего фактора предупреждения и преодоления пьянства и алкоголизма в молодежной среде. В контексте социально-экономического и социокультурного развития Республики Беларусь рассмотрены мировоззренческие, культурно-исторические, духовно-нравственные, политико-правовые, социально-экологические, демографические аспекты формирования и проявления культуры личности как основания противодействия социальным девиациям, в том числе и распространению пьянства и алкоголизма.

В монографии всесторонне и обстоятельно показан феномен пьянства в контексте историко-культурного развития белорусского общества и происходящих на современном этапе социальных трансформаций. Проанализированы экономические, социально-демографические, медико-психологические, социокультурные последствия, вызванные злоупотреблением алкоголем, что позволило представить общую картину опасности и вреда этой формы девиантного поведения. На основе анализа статистических материалов показана динамика потребления алкогольной продукции населением. На основании материалов социологических исследований, проведенных в Беларуси, дана оценка потребления молодежью алкогольных напитков и ее отношения к девиантному поведению. Выявлены особенности проявления пьянства в молодежных субкультурах, показана сложившаяся ситуация с женским алкоголизмом. Раскрыты основные тенденции изменения отношения к алкоголю в сетевой культуре современного общества.

На основе анализа историко-культурных материалов выделены характерные черты отношения к проблеме пьянства на различных этапах всемирной истории, в истории белорусского народа. Изучены традиционные категории белорусской народной культуры в отношении к употреблению алкогольных напитков. С позиций социально-культурологического анализа пьянство рассмотрено как одна из устойчивых традиций общественной культуры, как системообразующий момент специфической микрокультуры, как источник определенного способа рассудочного и ценностного освоения действительности, как ориентационный механизм в системе межличностных и социальных отношений.

В работе представлены теоретико-методологические положения, позволяющие рассматривать культуру личности в качестве одного из ведущих факторов предупреждения и преодоления пьянства в контексте современных социально-цивилизационных процессов. Обоснована роль нравственных компонентов в структуре личностной культуры, развитие которых будет способствовать последовательному предупреждению и преодолению процессов дестабилизации и дегуманизации общественных отношений. Проанализированы основные черты развития нравственно-правовой культуры личности в условиях современных социальных трансформаций. На основе данных социологического исследования показано реальное состояние ценностно-правовых ориентаций современной белорусской молодежи, ее отношение к различным видам девиантного поведения. Результаты исследования подтверждают тезис об эрозии культурных и нравственно-правовых норм в сознании части современной молодежи, свидетельствуют о наличии существенных изъянов в формировании ценностно-нормативной системы личности.

Большое внимание уделяется в монографии проблеме формирования здорового образа жизни как альтернативы распространения пьянства и алкоголизма. Следует подчеркнуть, что этому вопросу придается большое значение в последнее время в ходе проведения государственной политики Республики Беларусь с акцентом на развитии физкультуры и спорта.

В монографии раскрыты социокультурные, экономические и этические подходы в исследовании здоровья человека как ценности, социально-медицинские способы противодействия

алкогольной зависимости в молодежной среде. Обосновывается, что экономика здоровья акцентирует внимание на выборе механизмов эффективного воспроизводства ресурсов здоровья человека, этика здоровья обеспечивает гуманистическую экспертизу используемых принципов и норм в наркологии, биомедицинских и нанотехнологиях, инновационный подход к изучению здоровья человека предполагает взаимодействие и взаимодополнение экономических и ценностных его измерений. Рассмотрены факторы психолого-физиологического развития современного человека в контексте обеспечения экологической безопасности современного белорусского общества. Сделан вывод о том, что именно планомерное и целенаправленное создание здоровьесберегающей среды, в которой нет места для всякого рода одурманивающих веществ, рассматривается в качестве доминирующего фактора формирования здорового образа жизни. Представлены основные показатели, отражающие систему ценностей белорусской семьи и их динамику, изменение семейно-ценностных ориентаций молодого поколения на современном этапе. Выявлены социокультурные и демографические последствия распространения пьянства в семье, а также освещена проблема семейного воспитания навыков здорового образа жизни.

В контексте решения проблемы предупреждения и преодоления пьянства в молодежной среде особую значимость приобретают вопросы об организации и проведении молодыми людьми свободного времени и в связи с этим о формировании культуры досуга как важного компонента процесса оздоровления общественной обстановки. В монографии исследована проблема досуга молодежи, его особенностей, стилей и форм в контексте профилактики пьянства. В теоретическом и прикладном плане рассмотрена проблема культуры досуга, которая непосредственно связана с внутренней культурой человека, предполагает наличие у него определенных личностных свойств, позволяющих содержательно и с пользой проводить свое свободное время, а также неразрывно связана с набором ценностных установок и приоритетов, способствующих самореализации творческих потенций личности.

Осуществленный в монографии анализ феномена пьянства в общественной и индивидуальной жизни, особенностей отношения к нему в различные исторические периоды и на современном этапе позволил выдвинуть идею о целесообразности разработки и внедрения в практику образовательной и воспитательной деятельности нового подхода, направленного на последовательное утверждение принципов личностно ориентированного, здоровьесозидательного, рационально-компетентного, осознанно-добровольного, социально-ответственного, цивилизованного и нравственно-культурного отношения человека к себе самому, окружающим его людям, обществу в целом. Авторский коллектив в меру своих сил и возможностей попытался представить свое видение основных концептуальных положений и социально-практических рекомендаций, которые позволяют конкретизировать реализацию данного подхода.

Представленные в коллективной монографии философско-теоретические, социально-культурологические, социологические, историко-культурные, медико-психологические и иные материалы могут послужить серьезной научно-теоретической базой для разработки национальной образовательно-воспитательной стратегии профилактики пьянства в молодежной среде, в которой в качестве приоритетных выступают социально-культурные факторы, позволяющие как оптимизировать действия государственных и общественных структур по созданию благоприятной социокультурной среды и здоровой морально-психологической обстановки, так и активизировать личные усилия граждан на повышение своего общекультурного уровня и развитие цивилизованных отношений между людьми.

Принимая во внимание чрезвычайную опасность и злободневность проблемы пьянства и других форм девиантного поведения в молодежной среде, авторский коллектив осознает, что многие аспекты рассматриваемой проблемы являются дискуссионными, и не претендует на их окончательное решение, а также надеется на то, что представленные в монографии материалы

вызовут интерес у читателей и будут использованы в ходе осуществления идейно-воспитательной и профилактической деятельности.

1

Молодежь и проблема социальной девиантности

1.1. Человек в условиях транзитивного общества: деформации морального сознания и девиантное поведение

Нестабильность, неустойчивость, кризисность социально-экономических отношений часто связывают с состоянием транзитивности, что непосредственно выражается в осуществлении кардинальных перемен как формационного, так и цивилизационного характера. Понятие «транзитивное общество», наряду с другими понятиями, такими как переходное, трансформирующееся, модернизирующееся, применительно к современному этапу социальной жизни используется для того, чтобы особо выделить вступление социума в новую фазу своего развития и обусловленное этим качественное преобразование его различных сфер. Говоря о состоянии транзитивности, как правило, подразумевают ломку старых, не отвечающих требованиям времени социально-экономических устоев, смену политических режимов, кризис ценностно-мировоззренческих оснований человеческого бытия.

Как показывает исторический опыт, транзитивное (переходное) состояние общества всегда является достаточно сложным и противоречивым периодом в жизнедеятельности людей, сопряжено с чередой кризисов и различного рода конфликтами, отличается напряженностью и нестабильностью в системе социальных отношений. В этих условиях наблюдается разбалансированность в системе морально-правового регулирования, ранее признанные духовно-культурные приоритеты и нормы поведения утрачивают свою значимость и регулятивно-воспитательную функцию, отчетливо просматривается падение нравов. Все это говорит о том, что существенному обострению и даже искажению подвергаются сами основы человеческого бытия, наблюдается рост различного рода деформаций морального сознания, что становится «питательной почвой» для распространения в обществе девиантного поведения. Такое усиление негативного воздействия морально-психологических состояний сигнализирует о достаточно высокой степени кризисности жизни людей. И это не может уже быть не замеченным, а обязательно отражается на системе общественных отношений. «Нравственное негодование» масс, по утверждению основоположников марксизма, становится серьезным признаком необходимости кардинальных перемен в ходе истории. «Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым» [1, т. 21, с. 184].

Однако следует особо подчеркнуть, что состояние транзитивности сопряжено не только с ломкой и крушением старых форм и средств экономической деятельности, потерявших притягательную силу императивов и традиций, но и с зарождением и разворачиванием новых, жизнеутверждающих начал в человеческом бытии. В этой связи раскрывается другая, очень важная сторона морального сознания, ориентированная на созидание и стабильность – способность опережающего отражения результатов человеческой деятельности. «В полной мере ориентироваться в действительности человек не может, не представляя себе социальные закономерности, не предвидя цели и динамику грядущих изменений. Поэтому потребность в моральном моделировании социального будущего есть потребность социального настоящего» [2, с. 12]. Нравственность не только помогает человеку мысленно заглянуть в свое будущее, но и, самое главное, открывает в нем самом внутренние источники стремления и движения к моделируемым общественным и индивидуальным образцам. «Нравственность открывает человеку

более широкую перспективу, некоторую иную возможность, еще не реализованную потенцию «подлинно человеческого бытия» [3, с. 271]. Данная нереализованная потенция выражается в поиске человеком нравственных идеалов и путей их достижения. А это, в свою очередь, сопряжено с выходом на уровень абсолютных значений, с осмыслением так называемых «высших ценностей» или «вечных проб лем» – счастья, справедливости, свободы, милосердия, любви и др. Не случайно поэтому в условиях транзитивности данные проблемы приобретают особую значимость и повышенный интерес у различных слоев населения.

Для современной Беларуси транзитивность выражается в необходимости совмещения, пересечения между собой (наложения друг на друга) процессов: 1) во всемирном масштабе – перехода от индустриализма, техногенной цивилизации к информационному обществу как новому перспективному направлению социального развития; 2) в региональном масштабе – перехода от советского строя к обретению и упрочению политической суверенности и независимости, от социалистической экономической системы к рыночной системе хозяйствования, от тоталитарного типа государственного устройства к последовательному утверждению демократических принципов в системе социальных отношений.

Конкретно-историческая ситуация, которая возникла в мировом сообществе в связи с его переходом на путь информационного развития, отчетливо показала острые проблемные зоны социально-гуманитарного плана, где постепенно накапливается конфликтный потенциал, который может превратиться в источник серьезной общественной опасности, но в то же время обусловила активный аксиологический поиск: формирование универсальных, отвечающих духу времени духовно-нравственных ценностей гуманистической направленности и переосмысление традиционных национально-культурных ценностей, адаптированных к новым социальным реалиям.

Переход к информационному обществу осуществляется в недрах существующего индустриального общества, и поэтому, естественно, сопровождается резким столкновением нового со старым как в социально-экономическом, политическом, так и в духовно-культурном плане. Согласно «волновой теории» Э. Тоффлера (где используемый образ Третьей волны символизирует вступление человечества на путь информационного развития), происходят «столкновения развивающейся культуры Третьей волны с крепко засевшими, окопавшимися идеями и высокомерными постулатами индустриального общества» [4, с. 465].

Как отмечает Э. Тоффлер, в основе индустриального общества лежит глубокий конфликт между производством и потреблением, который породил «самую жалкую, думающую только о деньгах, коммерциализированную и расчетливую цивилизацию, какой не знала история» [4, с. 85]. Не обошел стороной этот конфликт и внутренний мир человека, по существу способствуя раздвоению личности: «Один и тот же человек, который в качестве производителя воспитывался семьей, школой и начальством на работе так, чтобы ограничивать свои желания, быть дисциплинированным, контролируемым, ограниченным, послушным, т. е. быть игроком своей команды, в то же время, будучи потребителем, приучен к тому, чтобы добиваться немедленного удовлетворения своих желаний, быть скорее жизнелюбивым, чем расчетливым, избегать дисциплины, стремиться к личному удовольствию, – т. е., коротко говоря, быть совершенно другим человеком» [4, с. 87].

Столь безысходное, удручающее положение должно быть, по Тоффлеру, преодолено в ходе формирования цивилизации Третьей волны. Он пишет: «Остальная наша жизнь проходит под знаком наступающей Третьей волны. Если нам удастся сгладить переход от старой, умирающей цивилизации к новой, обретающей форму, если *мы сохраним собственную личность* и сможем в обстановке усиливающихся кризисов *управлять своей жизнью* (курсив наш. – О. П.), мы будем в состоянии обнаружить и способствовать установлению нововведений Третьей волны. Ибо, если мы посмотрим вокруг себя, мы найдем под покровом несостоятельности и разрушений первые признаки роста и новые возможности» [4, с. 216].

Таким образом, транзитивность общества, связанная с вступлением на путь информатизации, обусловлена объективным закономерным ходом исторического процесса и, соответственно, носит всеобщий универсальный характер. На наших глазах происходит переоценка ценностей, начинают складываться новые приоритеты и ценностно-нормативные координаты жизнедеятельности человека и общества. Для формирующейся в настоящее время информационной цивилизации весьма актуальным является создание характерной для нее парадигмы, в которой целостно будут представлены ведущие мировоззренческие основания, определяющие параметры сознания и стереотипы поведения, действенные механизмы социальной регуляции. Но в то же время весьма отчетливо высвечиваются и те негативные стороны человеческой природы и жизнедеятельности, которые становятся сдерживающими, тормозящими элементами в поступательном развертывании этого процесса.

Республика Беларусь, являясь членом мирового сообщества и субъектом международных отношений, не может оставаться в стороне от происходящих глобальных трансформаций социально-экономического и духовно-культурного плана, связанных со вступлением на путь информационного развития. За последние годы новые информационные технологии практически лавинообразно обрушились на белорусское общество. В повседневной жизни уже привычными стали компьютеры, мобильная связь, услуги Интернета, новая медицинская техника и технологии и т. д.

На теоретическом уровне ситуацию в современной социальной жизни оценивают как «достаточно реальную картину пограничного состояния современного общества, которое (состояние) образовалось в результате исчерпания ресурсов индустриализма, с одной стороны, и появившимся в связи с прорывом в интеллектуальных технологиях, системах образования, способах коммуникации людей, культур, опыта новых возможностей социального развития – с другой» [5, 63]. При таком рассмотрении отчетливо обнаруживает себя основное противоречие: противоречие между старым и новым, между материально-техническими и духовно-культурными возможностями индустриализма и постиндустриализма. Но особенно остро и болезненно это противоречие проявляется в сфере духовно-нравственных отношений, где, с одной стороны, проявляется стремление к самореализации интеллектуального, творческого потенциала человека, с другой – наблюдается расшатывание национально-культурных традиций, обострение социально-психологической обстановки, явно выраженное падение нравов, рост деструктивных и асоциальных явлений.

Ситуация в социально-нравственной сфере белорусского общества значительно усложняется еще и тем обстоятельством, что в силу целого ряда объективных и субъективных причин пришлось в экстренном порядке решать вопрос о государственном суверенитете Беларуси после распада СССР и, соответственно, начинать делать это не с «чистого листа», а опираясь на советское «наследство», в том числе на тот огромный «багаж» негативных социально-экономических и морально-психологических проблем.

Начальный этап государственного строительства независимой Беларуси, как и других постсоветских республик, совпал с масштабным социально-экономическим кризисом. Попытки выйти из этого кризиса путем возрождения рыночной системы хозяйствования и связанная с этим надежда на то, что рынок все расставит на свои места и нормализует человеческие взаимоотношения, практически не увенчались успехом, а, напротив, способствовали появлению целого ряда новых стихийных, нерегулируемых явлений, криминализации хозяйственной жизни, обострению социально-психологической обстановки. Наряду с этим, осуществляемый на постсоветском пространстве переход к рыночной системе хозяйствования воссоздавал в той или иной мере капиталистическую систему отношений с присущими ей атрибутами отчуждения и самоотчуждения человека и вытекающими отсюда негативными последствиями для духовно-нравственного состояния людей. Сегодня на постсоветском пространстве

мы воочию можем наблюдать различного рода проявления деградации человеческой природы, обусловленные действием социально-экономических факторов капиталистической природы.

Взятый Беларусью курс на социально ориентированную экономику, проводимая политика государственного регулирования, освоение и внедрение новых технологий – все это направлено на преодоление негативных последствий «дикого рынка», динамизацию хозяйственной жизни. Все более очевидным становится сегодня понимание того, что введение рыночных механизмов должно быть не стихийным, а *цивилизованным* процессом. *Цивилизованность* как ведущая качественная сторона хозяйственной деятельности невозможна без развития духовно-нравственных отношений, способствующих обогащению внутреннего мира человека, а следовательно, и более эффективной и плодотворной реализации его в качестве производительной и созидательной силы.

Следует подчеркнуть, что после распада СССР наиболее остро происходящие перемены ощущались в духовно-нравственной сфере. Несколько поколений людей, воспитанных в советском духе, вынуждены были самостоятельно, практически в одиночку адаптироваться к новым «рыночным» условиям жизни. Как выяснилось в ходе трансформационных процессов, теоретически разработанная и активно пропагандируемая «модель» социалистического общества с присущим ей комплексом преимуществ и достоинств не учитывала происходящих изменений в социальной практике, отдалялась от конкретной жизни трудящихся с их трудностями, проблемами, противоречиями. Со временем все более отчетливо стало выявляться противоречие между идеализированным содержанием общественной морали и реальной нравственной жизнью людей. Это вело, с одной стороны, к девальвации социалистических моральных ценностей (люди перестали им верить и соответственно не руководствовались ими в жизни), с другой – к дестабилизации существующих нравственных отношений (усиливалось смыкание проявлений аморализма с нарушением правовых норм). В общественной практике все чаще приходилось сталкиваться либо с явно выраженным конформистским поведением людей, основу которого составляло формальное усвоение моральных норм, приверженность к стереотипам, пассивность, приспособленчество, либо с отклоняющимся поведением лиц, открыто не принимающих и нарушающих требования социалистической законности и нравственности. Деформации морального сознания выразились в общественном масштабе в распространении иждивенческих настроений, скептицизме в оценках современной действительности, в снижении трудовой и общественно-политической активности, в стремлении лишь к материальному благополучию, ограниченности духовного мира, извлечении нетрудовых доходов, росте пьянства и алкоголизма.

Кризисное состояние социальной системы, которое возникло после распада СССР и социалистического «лагеря», развертывания процессов суверенизации и демократизации, тяжелейшим образом отразилось на морально-психологическом состоянии людей. Если давать общую оценку ситуации в нравственной сфере постсоветского общества, различных его структурных подразделений, то следует сказать, что она была не просто сложная и противоречивая, а чрезвычайно критическая. Причем кризисные проявления не всегда находились на поверхности социальной жизни, чаще всего они содержались во внутреннем мире личности, ее душе. Вполне определенно можно сказать, что сфера доверительных отношений между людьми заметно сузилась до рамок круга общения с родными и близкими. Нечасто можно было наблюдать проявления взаимопомощи, добросердечности, отзывчивости, чуткости. Сочувствие и сострадание как человеческие качества чаще всего были прикрыты «маской» лицемерия. Вообще для межличностных отношений свойственен был достаточно жесткий, а порой и жестокий характер. Такие явления, как эгоизм, конформизм, цинизм, скептицизм, нигилизм стали весьма распространенными, причем в весьма открытых своих проявлениях, независимо от социального, профессионального, образовательно-культурного статуса человека.

В процессе происходящих социальных трансформаций каждый человек по существу оказался один на один со своими жизненными проблемами. Общество как социальный организм стало обладать недостаточным позитивным воздействием на формирование моральных чувств, взглядов, убеждений, так как в нем весьма ослаблены в силу сложившихся обстоятельств социально-моральные механизмы, духовно-культурные связи. Так, в условиях урбанизации и информатизации малоэффективным становится общественное мнение как механизм воздействия на поведение личности. Процесс капитализации заметно снизил силу воздействия трудового коллектива как регулятора профессиональных и межличностных отношений. Рыночная система хозяйствования возродила механизм конкуренции, моральная сторона которого была и остается весьма проблематичной. Несогласованность механизмов социальной и моральной регуляции становится источником опасности как для жизни общества, обеспечивая дестабилизацию его структур и функций, так и для жизнедеятельности человека, приводя, в конце концов, к деградации личности.

Таким образом, становление современной белорусской государственности проходило и проходит в сложной социально-нравственной обстановке. Во-первых, накапливаемый за последние десятилетия «груз» морального негативизма никуда не исчез, он остается и все более разрастается в условиях рыночных отношений. Во-вторых, общественный механизм моральной регуляции продолжает оставаться разбалансированным: социально значимых, общепринятых нравственных ценностей, соответствующих требованиям времени, еще не выработано, а индивидуально-личностный уровень саморегуляции остается весьма разноплановым и разрозненным. В-третьих, воочию можно наблюдать падение нравов, когда утрачивает свою силу устойчивая, привычная система представлений о дозволенном и недозволенном на уровне обыденного сознания, когда ослабевает действие даже такого морально-психологического регулятора, как чувство стыда, и соответственно уже не вызывают осуждения ни проституция, ни порнография, ни сексуальные извращения и т. п. В-четвертых, различного рода деформации морального сознания являются «питательной средой» для возникновения и распространения таких антиобщественных явлений, как пьянство и алкоголизм, наркомания, преступность, торговля людьми, социальное сиротство и др., что наносит откровенный вред социуму.

За последние годы ситуация в системе социально-нравственных отношений серьезно осложнилась и даже обострилась. Причем это является характерным не только для Беларуси, но и для других постсоветских республик. Так, в Российской Федерации на государственном уровне было прямо заявлено о том, что, несмотря на определенные позитивные тенденции социально-экономического развития, «российское общество, включая подрастающее поколение, продолжает находиться в состоянии системного духовно-нравственного кризиса» [6]. О наличии этого кризиса свидетельствуют такие показатели, как наркомания, потребление алкоголя и табака в молодежной среде, количество социальных сирот, уровень абортс среди несовершеннолетних, количество разводов, самоубийства среди детей и др. По данным российских социологов, среди молодежи около 55 % готовы преступить через моральные нормы для того, чтобы добиться личного успеха. Среди несовершеннолетних фиксируется высокий процент сексуальной распушенности: 45,5 % юношей-девятиклассников и 48,2 % девушек-девятиклассниц считают, что сексуальные контакты в их возрасте вполне допустимы [6].

Исследование российскими социологами рейтинга различных социальных проблем показало, что в масштабе страны наиболее важными, по мнению респондентов, наряду с ростом цен (61 %) и безработицей (61 %), являются алкоголизм и наркомания (53 %) и коррупция и бюрократизм (41 %). Если первые проблемы обусловлены прежде всего действием экономических факторов, то последние напрямую связаны с распространением моральных деформаций, деградацией личности. Также весьма тревожным является то, что только 12 % респондентов

оценили как важным для себя лично, так и значимым для страны в целом вопрос о состоянии нравственности [7, с. 119].

О достаточно сложной социально-моральной обстановке в украинском обществе может свидетельствовать следующая информация. Социологи с помощью новых подходов попытались воссоздать образ украинского общества, который сформировался в массовом сознании за последние десять лет. Как выяснилось, только 5 % респондентов этот образ соотносят с позитивными характеристиками, а у большей части опрошенных он ассоциируется с различными негативными сторонами. Так, на первое место в 2013 г. вышла такая характеристика общества, как беспорядок (неупорядоченность общественной жизни) – 49,7 %, далее следуют нищета – 35,7 %, разруха – 32,8 %, противостояние – 25 %, тупик – 23 %. Также образ украинского общества воссоздавался в координатах наиболее проявивших себя социальных типов. Отвечая на вопрос: «Наше время – это время...», респонденты определили, что оно является временем воров (40 %), бюрократов (37 %), авантюристов (31 %), приспособленцев (29 %), нищих (25 %), т. е. преимущественно таких социальных типов, поведение которых может вести к расшатыванию общественных устоев. Картина относительно того, как представлено наше время с точки зрения отражения в нем социальных типов, содействующих упрочению общественного порядка, выглядит следующим образом: 38 % респондентов соотносят его с деятельностью политиков, а вот далее идут показатели, которые вызывают серьезную тревогу – только 13 % видят наше время как время тружеников, 10 % – как время избранников судьбы, 5 % – как время талантов, 3 % – как время профессионалов. Также обращает на себя внимание то, что только 8 % респондентов ассоциируют наше время с наличием в обществе моральных авторитетов, что может свидетельствовать о недооценке роли механизмов моральной регуляции в стабилизации общественной жизни [8, с. 33–34].

Об обострении ситуации в духовно-нравственной сфере современного общества свидетельствуют и результаты социологических исследований, проведенных в Беларуси. Социологи отмечают, что более 48,5 % опрошенных молодых людей считают допустимым давать взятку при решении какого-либо вопроса, 31,1 % – вполне могут скрыть доходы от налогообложения, 27,2 % – смогут принять участие в незаконном бизнесе. По мнению 24,3 % опрошенных юношей, вполне допустимо оказать физическое воздействие при решении своих проблем, 20,4 % молодых людей незазорно распространять ложную информацию [9, с. 198–199].

В социальном и личностном плане негативные последствия нестабильности духовно-нравственных отношений, ограниченности и неразвитости духовных потребностей и нравственных чувств, различного рода моральных деформаций наиболее отчетливо проявляются в различного рода социальных девиациях. «Социально-негативное девиантное поведение, – пишет Н. А. Барановский, – можно определить как поведение, которое не соответствует общепринятым моральным, правовым и другим социальным нормам, причиняет вред личности, социальным группам или обществу, а также осуждается общественным мнением и влечет наступление какой-либо социальной ответственности» [10, с. 8]. В условиях социальной транзитивности получают значительное распространение такие девиации, как пьянство и алкоголизм, наркомания, проституция, преступность, торговля людьми, социальное сиротство и др., что воочию наблюдается в настоящее время на постсоветском пространстве.

Наряду с социальными детерминантами, обусловившими существование и распространение различного рода девиаций, на современном этапе достаточно влиятельными являются причины личностного плана: а) высокая степень распространенности асоциального образа жизни; б) неразвитость социальных и духовных потребностей; в) устойчивое присутствие в психологии и образе жизни значительной части населения жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, эгоистического, материально-потребительского, корыстного, конформистского, властно-пренебрежительного, агрессивно-насильственного и социально безответственного характера. Комплексное взаимодействие «социальных и лич-

ностных причин порождает в современном белорусском обществе массовую социокультурную аномию (противоречивость и конфликтность нравственных, правовых и других социальных норм, их несоблюдение, пробельность и т. п.), а также высокую степень деструктивности в системе межличностных, групповых и социально-институциональных отношений» [11, с. 466–467].

Согласно статистическим данным, в Беларуси за период с 1990 по 2010 год отмечается устойчивая тенденция увеличения потребления спиртных напитков, в том числе пьянства и алкоголизма. Так, если уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения в 1990 г. составлял 5,7 л, то в 2000 г. – 8,8 л, а в 2009 г. – 12 л. Потребление водки, пива и шампанского увеличилось в 1,4 раза, а плодово-ягодного вина – в 180 раз [10, с. 14]. Результаты социологических исследований показывают, что абсолютное большинство населения рассматривает употребление спиртных напитков как вполне приемлемую, культурно и нравственно допустимую традицию бытового повседневного образа жизни. Установлено, что среди молодежи 18–29 лет употребление спиртных напитков распространено в наибольшей степени (так считают 84 % респондентов), учащихся и студентов (83 %) [11, с. 454–455].

Угрожающие масштабы приобретает такое социальное зло, как наркомания. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что среди потребителей наркотиков и других токсических веществ большинство составляют молодые люди в возрасте 16–24 года (74 %), подростков до 18 лет – 12 %. Среди молодежи по данным социологических исследований пробовали или употребляют наркотики 9 %, а еще 6 % – токсические вещества. Среди потребителей наркотиков и других токсических веществ преобладают следующие социально-профессиональные группы: учащиеся ПТУ – 22 %, учащиеся техникума, колледжа – 17 %, школьники – 15 %, рабочие промышленности, строительства, транспорта – 13 %, студенты вузов – 8 %, безработные – 6 % [10, с. 15].

Необходимо также отметить, что в молодежной среде происходят существенные изменения по отношению к девиантному поведению. В частности, «происходит процесс превращения социальных девиаций в субкультурную норму поведения. Наглядным примером служит употребление алкогольных напитков, изменение отношения юношества к сексуальным связям. По данным опроса, спиртное употребляют 71,8 % подростков, личный сексуальный опыт имеют 42,7 % несовершеннолетних... Почти у каждого пятого (19,5 %) респондентов среди друзей есть наркоманы, у 14,3 % – среди одноклассников и однокурсников, что существенно увеличивает риск наркоматизации молодежи. Причем в окружении респондентов, уже употребляющих наркотики, доля таких знакомых возрастает до 88,3 %» [12, с. 58]. Как видим, в условиях социальной транзитивности особой зоной риска является сознание молодых людей, которое в силу своих возрастных особенностей может легко попадать под влияние различных факторов, в том числе и представляющих серьезную опасность.

Особое место в структуре социальной девиантности занимает феномен пьянства. Злоупотребление спиртными напитками является само по себе весьма опасным явлением, ведущим в индивидуальном плане к моральной неустойчивости, распушенности и, в конце концов, к деградации личности, в общественном плане – к обострению и разрыву связей и взаимодействий между людьми и социальными институтами. А также пьянство, как показывает практика, является своеобразным «катализатором» появления и распространения других асоциальных явлений. Его пагубное, разрушающее воздействие на физическое и моральное здоровье человека и состояние общественных отношений напрямую проявляется в такой девиации, как алкоголизм. Как свидетельствует статистика, зачастую различного рода преступления были совершены в состоянии алкогольного опьянения. Пьянство является по существу постоянным спутником бродяжничества, проституции. И появление социального сиротства в значительной степени обусловлено также распространением бытового пьянства и алкоголизма. А уже в наркомании и токсикомании по их социально-психологическим и медико-физиологическим

основаниям отчетливо обнаруживается их теснейшая связь со злоупотреблением спиртными напитками.

Исторический опыт свидетельствует, что употребление алкогольных напитков и злоупотребление ими, выраженные в таком социальном явлении, как пьянство и алкоголизм, существовали испокон веков. Это было обусловлено прежде всего следующими основаниями: 1) *социально-антропологического*, 2) *социально-психологического*, 3) *социально-экономического* характера.

Социально-антропологические основания употребления алкоголя и злоупотребления им связаны непосредственно с физиологическими потребностями человеческого организма, вернее, с их чрезмерным, а порой и извращенным удовлетворением. Как отмечает в этой связи выдающийся немецкий философ И. Кант: «Для возбуждения или сдерживания воображения имеется физическое средство – употребление дурманных веществ, некоторые из них в виде яда *ослабляют* жизненную силу..., другие *усиливают* ее, по крайней мере, повышают ее чувствительность (каковы хмельные напитки, вина, пиво или их спиртной экстракт – водка), но все же они противоестественны и искусственны. Тот, кто принимает их в таком чрезмерном количестве, что на некоторое время лишается способности упорядочивать свои чувственные представления по законам опыта, называется *пьяным* или *одурманенным*; произвольно или преднамеренно приводить себя в такое состояние – значит *одурманивать себя*. Однако все эти средства должны как будто служить для того, чтобы человек мог забыть ту тяжесть, которая, кажется, с самого начала заключена в его жизни вообще» [13, т. 6, с. 404–405]. Алкоголь по своим биологическим и химическим свойствам оказывает влияние на физиолого-психическую природу человека, постепенно ослабляя и разрушая ее. «Беззаботность, а вместе с ней и неосторожность, которые вызывает опьянение, – это обманчивое чувство подъема жизненной силы; в опьянении человек не чувствует трудностей жизни, с преодолением которых постоянно имеет дело природа (в этом и состоит здоровье), и счастлив в своей слабости, ибо природа в нем действительно стремится постепенно возродить его жизнь путем постепенного подъема его сил» [13, т. 6, с. 406].

С *социально-психологической* точки зрения алкоголь выступает в качестве своего рода коммуникативного средства для поддержания общения, налаживания контактов между людьми, соблюдения традиционных межличностных связей в случаях его разумного потребления. При этом, как подчеркивает Кант, имеет значение и вид алкогольного напитка. «Всякое *тихое* одурманивание, т. е. такое, которое не вносит оживления в общество и не содействует обмену мыслями, имеет в себе нечто позорное; таково опьянение опиумом и водкой. Вино и пиво, из которых первое только возбуждает, а второе только питательно и подобно пище сытно, не мешает общительности; все же между ними разница: пиво более располагает к мечтательной замкнутости и часто ведет к грубости, а пирушка с вином возбуждает шумное веселье и остроумные разговоры» [13, т. 6, с. 405–406]. Напротив, алкоголь становится источником обострения бытовой обстановки, выяснения отношений между людьми, проявления явно выраженной антипатии и враждебности при его злоупотреблении. В этой связи Кант отмечает: «Невоздержанность в употреблении [алкогольных] напитков в компании, доходящая до одурения, несомненно, есть невежливость не только по отношению к обществу, в котором находится пьющий, но и по отношению к самому себе, если он встает из-за стола шатаясь, по крайней мере идет нетвердым шагом, или только заговаривается. Но можно многое сказать для смягчения о таком проступке, так как границу самообладания очень легко не заметить и *переступить*; ведь хозяин желает, чтобы благодаря этому акту общительности гость вставал из-за стола вполне удовлетворенный» [13, т. 6, с. 406].

В основе *социально-экономических* детерминант распространения пьянства и алкоголизма лежит прежде всего проблема получения прибыли от ведения хозяйственной деятельности, и, соответственно, наиболее откровенный и разрушительный характер это явление полу-

чает в условиях капиталистического способа производства. Об этом весьма убедительно в свое время писал К. Маркс, раскрывая внутренние, невидимые «пружины» действия капиталистических экономических процессов. Среди наиболее распространенных предметов потребления в условиях буржуазного общества, по его мнению, наряду с хлопком и картофелем, называется и водка, хотя она, «если ее употреблять в качестве пищевого продукта, является, по общему признанию, отравой». Отвечая на вопрос: почему хлопок, картофель и водка являются краеугольным камнем буржуазного общества, – Маркс раскрывает не только экономические причины, но и социальные последствия такого порядка вещей:

«Потому, что их производство требует наименьшего труда, и они имеют, вследствие этого, наименьшую цену. А почему минимум цены обуславливает максимум потребления? Уж не вследствие ли абсолютной, внутренне присущей этим предметам полезности, их полезности в смысле способности наилучшим образом удовлетворять потребности рабочего как человека, а не человека как рабочего? Нет, это происходит потому, что в обществе, основанном на *нищете*, самые *нищенские* продукты имеют роковое преимущество служить для потребления самых широких масс» [14, т. 3, с 28].

Следовательно, водка в экономическом плане выступает, с одной стороны, как весьма дешевый продукт, не требующий на свое производства больших материальных затрат, с другой – как средство для выжимания максимальной прибыли при ее производстве и продаже. В социальном плане это выливается в обогащение одних слоев населения и обнищание других, что по логике вещей должно вести к обострению социальной обстановки, но в силу специфики водки как одного из популярных и распространенных одурманивающих средств дает, как правило, противоположный эффект – может способствовать снижению остроты социальных конфликтов за счет ложного представления о безмятежности под воздействием алкогольного дурмана, а также за счет ловкого манипулирования массовым сознанием со стороны власть предержащих и социально-имущественных слоев.

В условиях транзитивного общества феномен пьянства и алкоголизма не только получает реальные возможности для своего распространения, но и выступает в качестве одного из основных дестабилизирующих факторов, который, на первый взгляд, может казаться незаметным и безобидным, но и по своей скрытой разрушительной силе способен нанести значительный урон социальной системе в целом.

Исторически случилось так, что водка, рост масштабов ее производства и потребления по существу «взорвали» достаточно размеренный ход жизни в средневековом обществе, расшатали его вполне устойчивые консервативные устои. Как пишет в этой связи В. В. Похлебкин: «Одной из заметных особенностей водки как продукта и товара было то, что она разлагающе воздействовала на старое, пронизанное древними традициями, замкнутое общество средних веков. Она разрушала одним ударом как социальные, так и старые культурные, нравственные, идеологические табу. В этом отношении водка подействовала как атомный взрыв в патриархальной устойчивой тишине. Вот почему последствия появления водки особенно легко различимы в социальной и культурной областях, причем все они отражаются в документах эпохи – от юридических актов до художественной литературы» [15]. Об этом свидетельствуют как количественный рост пьянства, его весьма заметное распространение в городской среде, использование водки для порабощения коренных северных народов, создание особых питейных заведений, так и существенные изменения идейно-нравственного и социально-имущественного характера в системе общественных отношений. В этой связи следует сказать:

во-первых, о «появлении нового типа «предерзостных» людей, свободных от пут средневековой морали и традиций. Эти люди быстро пополняли собой новый социальный слой городского люмпен-пролетариата, или, по терминологии того времени, «посадской голытьбы», всегда полуголодной, злобной, жестокой, циничной, не связанной никакими нормами толпы, энергию которой можно было направить по любому руслу за... ведро водки». Во-вторых, чрез-

мерное потребление водки явилось причиной роста нищенских слоев в городах «Нищенство рекрутировалось, с одной стороны, из членов семей разорившихся «питухов» всех сословий, и с другой – из менее активной части спившейся «посадской голытьбы». Именно резкий скачок в численности нищенства, в контрастной диспропорции к обычному процессу, порождаемому естественными экономическими факторами – неурожаями, классовой дифференциацией и т. п., указывает на то, что в появлении нищенства приняла участие на сей раз водка, причем не только прямое, но и косвенное (например, резкое увеличение числа городских пожаров и полное выгорание некоторых городов и сел)» [15].

На современном этапе, когда отчетливо наблюдается ситуация социальной транзитивности, феномен пьянства и алкоголизма, исподволь проявляя свой негативный социально-психологический потенциал, постепенно расшатывая общественные устои, могут стать тем незаметным, но по существу решающим рычагом, приводящим к дестабилизации и разрушению социальной системы. Это обусловлено прежде всего природой капиталистической системы хозяйствования, которая резко обнажает социально-классовые, социально-имущественные противоречия, и в их ряду чрезвычайно неприглядным, опасным и пагубным для жизни и здоровья человека выступает алкоголь во всевозможных его разновидностях.

В духовно-нравственном отношении развитие капиталистической общественно-экономической формации сопряжено с падением нравов, деградацией человеческой сущности. Сама природа капитализма с его важнейшими атрибутами: частной собственностью, деньгами, эксплуатацией, конкуренцией и т. п. – подавляет и извращает собственно человеческое в человеке, способствует превращению человека в средство, инструмент, вещь, дегуманизирует взаимоотношения между людьми. «Собственность – природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу, – возводится благодаря этому на трон, и, в конечном счете, чтобы завершить это отчуждение, деньги – отчужденная, пустая абстракция собственности, – делаются властелином мира. Человек перестал быть рабом человека и стал рабом *вещи*; извращение человеческих отношений завершено; рабство современного торгашеского мира – усовершенствованная, законченная, универсальная продажность» [14, т. 1, с. 604–605]. Наглядным подтверждением этому может служить и то, что зачастую используется бутылка водки в качестве своей образной расчетной единицы в осуществлении определенных товарно-денежных отношений, и то, что чрезмерно пьющий человек становится по существу рабом бутылки водки, попадает в особую форму рабской зависимости – алкогольную.

Таким образом, в современном мире, наряду с масштабными трансформациями, связанными с распространением новейших информационных технологий, происходит угрожающее наращивание кризисных явлений в социальной жизни. Череды кризисов экономического, политического, экологического характера негативным образом сказывается на морально-психологическом состоянии людей, на процессе духовно-культурного развития человека и общества. Причем масштабы и темпы распространения моральных деформаций, бездуховности и нецивилизованности в человеческих взаимоотношениях катастрофически нарастают, что позволяет говорить о наличии затяжного духовного кризиса как такового. Негативные последствия нестабильности общественных отношений, ограниченности и неразвитости духовных потребностей и нравственных чувств людей, различного рода моральных деформаций наиболее отчетливо проявляются в различных социальных девиациях. В условиях социальной транзитивности получают значительное распространение такие девиации, как пьянство и алкоголизм, наркомания, проституция, преступность, торговля людьми, социальное сиротство и др. Все это убедительно свидетельствует о наличии кризисных явлений в социально-нравственной сфере современного белорусского общества и, соответственно, такое положение дел необходимо оценивать как серьезную *внутреннюю угрозу* национальной безопасности, которая носит скрытый характер, но по своей разрушительной силе может привести к весьма тяжелым социальным последствиям.

1.2. Молодое поколение как субъект выражения требований социального времени

Основные надежды и чаяния на улучшение жизни, прогресс и развитие, как правило, связываются с молодежью. От молодежи многого ждут, и многое действительно делается для облегчения и изменения ее социально-экономического и социально-культурного положения. Однако далеко не всегда эти надежды сбываются. Молодежь как была, так и остается наиболее проблемной частью населения любого общества, как в социально-экономическом, так и в социально-правовом плане. Ведь сама по себе молодость не обеспечивает ни профессионализм, ни нравственно-политическую позицию вступающих в самостоятельную жизнь поколений, ни их социальный статус и экономическое положение. Молодежь и ее жизненные проблемы во многом определяются социально-демографическим, социально-культурным, социально-экономическим и другим развитием всего общества, и эти проблемы имеют весьма многообразный и далеко не явный характер.

Со временем меняется не только социально-демографическая ситуация в обществе, но и само общество, его ценности, идеалы, нормы, образ жизни, традиции и привычки, стереотипы мышления, характер сознания и самосознания. В силу этого молодежь одного поколения существенно отличается от молодежи других поколений. Это, по существу, различная молодежь как социально-культурная группа населения. Так, молодежь эпохи коллективизации и индустриализации страны, довоенная и послевоенная молодежь, молодежь так называемой «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя», «горбачевской перестройки» и молодежь постсоветского периода общественного развития существенно отличаются друг от друга. Они различаются по своим ценностным ориентациям, социальной активности, вере в «счастливое» настоящее и «светлое будущее», социальным и духовным потребностям, способам жизнедеятельности в целом. Эти отличия достаточно четко проявляются между представителями различных поколений, отцов и детей и служат основой так называемого конфликта поколений. Представители одного поколения с полным на то основанием могут заявить представителям других поколений, что они в молодости были совершенно иными, да и нравы в обществе тогда царили совершенно иные, чем сейчас.

Отмечая эту социально-культурную особенность различных поколений, известный немецкий социолог Г. Зиммель полагал, что жизнь человека неизбежно облекается в ту или иную социально-культурную форму, выражающую суть определенной исторической эпохи. Как только жизнь, считал он, возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух в свою очередь поднялся до состояния культуры, в ней обнаруживается внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры. Каждая культура принимает те или иные формы, в которые облекается жизнь и без которых немислимо какое-либо духовное бытие. Эти формы претендуют на длительность, даже более того, на вневременность. «Но сама жизнь стремится неустанно вперед, ее бесконечная ритмика в каждом новом содержании созданных ею форм вступает в контраст с постоянством ее бытия или вневременностью ее значения» [1, с. 12].

Изменчивость культурных явлений и даже целого культурного стиля, считал Г. Зиммель, есть результат бесконечной плодovitости жизни. «Моралисты, ценители старого доброго времени, люди строгого чувства, стиля совершенно правы, жалуясь на все растущую «бесформенность» современной жизни. Но они обыкновенно не замечают того, что происходит не только отмирание традиционных форм и что причиной смены этих форм является положительный инстинкт жизни. Для каждой эпохи характерна центральная идея, являющаяся «властителем душ» [1, с. 17]. А это в свою очередь позволяет рассматривать молодежь в качестве субъекта выражения требований социального времени. Молодежь не свободна в своем жизненном

выборе, и перед каждым поколением молодежи стоят присущие для его времени проблемы: экономические, политические, правовые, педагогические и другие. Характер этих проблем, решаемых различными поколениями, совершенно иной. Они ставят перед собой различные цели и задачи, их жизненный успех определяется в соответствии с различными критериями, одни и те же витальные и другие потребности удовлетворяются ими по-разному и с помощью различных средств. И различия эти особенно отчетливо проявляются на расстоянии или в различные исторические эпохи.

Однако вполне зримы эти различия и при жизни поколений, живущих в одну и ту же эпоху, например, между отцами и детьми. Речь в данном случае идет об особой молодежной субкультуре и субкультуре других поколений в рамках культуры одного и того же общества, одной и той же исторической эпохи. При этом ни о какой полной преемственности между этими субкультурами не может быть и речи. Для каждой субкультуры существуют свои ценности и социальные нормы, свои музыкальные и другие предпочтения, своя манера поведения и свой образ жизни, свои знания и опыт. И наивно полагать, что эти знания и опыт обретаются только благодаря заимствованию у старших. Умения пользоваться мобильным телефоном, компьютером, современными информационными технологиями родители чаще всего обретают благодаря помощи своих детей, а не наоборот. Уже маленькие дети во многих отношениях оказываются более «продвинутыми», чем их родители. Они просто «смотрят» на мир с позиции своего времени и не отягощены грузом прошлого. Их историческая память в данном случае может не только быть не развитой, но и вовсе отсутствовать. А это в свою очередь служит основанием для постепенного изменения самосознания народа и его культуры в целом. Народ в таком случае может потерять не только свой язык, свои традиции, но и свою культуру в целом, приобщаясь к ценностям других культур. Ответ на поставленный еще И. Кантом вопрос: «Кто «Я»; «Что «Я» могу и на что смею надеяться?» – зависит от моего самосознания как представителя определенной общности. Принципиально важен он применительно к формированию самосознания молодежи, поскольку в нем содержится облик будущего страны.

Само же самосознание является культурным феноменом и во многом определяется взаимосвязью и взаимообусловленностью молодежной субкультуры и культуры народа. Самосознание немыслимо вне ценностно-смыслового отношения к миру, вне осознания себя как части социально-культурного бытия, вне духовно-практического освоения мира и свободы самореализации. Оно прежде всего социально-культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную, а не логико-рациональную основу, а потому трансформируется по мере трансформации самой культуры, ее смыслов и значений, а не вслед за изменением социальной структуры общества, его социальных институтов. Субъект-объектные отношения, на которых основана познавательная деятельность, не есть нечто само собой разумеющееся. Чтобы выделить себя из мира, прежде всего надо идентифицировать себя с ним, определить свое место и роль в его развитии, сделав соответствующий духовно-нравственный выбор. Чаще всего это не только не происходит вслед за изменением объективных условий, но и значительно затруднено в связи с изменением ценностных критериев. Стремление же господствовать над этими условиями за счет сознательного использования закономерностей природы в собственных прагматических целях обычно оборачивается потерей субъективности личности, превращением ее в элемент социальной системы и потерей ее самосознания. Деперсонализация человека происходит вместе с прогрессом рационалистического мышления, осознания силы власти и денег и потерей чувства внутреннего достоинства. Она во многом закрепляется существующей системой образования, ориентируемой на основы наук, исходя из представления о человеке как существе разумном уже по своей природе или как образе и подобию Бога. Однако самосознание человека как образ и подобие Бога разительно отличается от самосознания человека, определяемого его общественной значимостью и реальными социальными ролями или естественными потребно-

стями и способностями. Оно неразрывно связано с его волей и творческими способностями, с внешним и внутренним принуждением и законодательством.

Как отмечал в свое время один из основоположников западной аксиологии В. Виндельбанд, «проблема свободы в бесконечно разнообразных вариантах повсюду вырастает из этого сознательного законодательства, которому подчинена наша повседневная жизнь: законодательства принужденного и естественного процесса и законодательства долженствования и идеального предпочтения. Лишь начиная с того времени, когда возникло представление о божественном велении и о грехе как его нарушении, когда была осознана противоположность между естественным и божественным порядком, лишь тогда возникла проблема свободы» [2, с. 184]. Этому способствовала, по его мнению, прерывающая естественную необходимость форма психической жизни, которая привила чувство величия. Эта проблема коренится в чувстве ответственности. Объективному мировоззрению проблема свободы известна только с ее моральной стороны. В этой области каждый осознает, что существует система предписаний, которые он должен выполнять и от которых он в большей или меньшей степени уклоняется в своем действительном волении и поведении. Однако прежде всего необходимо указать на то, что народным массам доступно в этой области было лишь чувство ответственности под действием наших гражданских учреждений, с одной стороны, и религиозных убеждений – с другой, оно сравнимо с чувством страха перед неприятными последствиями, выраженными в гражданском осуждении. Стоило было утратить это чувство, и свобода превращалась в безответственность и произвол. Не по этой ли причине возникает и большинство существующих ныне молодежных проблем.

Наивно полагать, что все молодежные проблемы решаются на уровне формирования индивидуального самосознания строго в соответствии с обликом «строителя коммунизма» или другим идеалом формирования «человека будущего». Национальное, профессиональное, региональное, поселенческое и другие виды самосознания индивида формируются прежде всего как самосознание представителя рода или социального типа: представителя того или иного этноса, представителя определенной профессии, социального поселения или жителя региона. Однако сама по себе этническая принадлежность того или иного индивида вовсе не является гарантом формирования у него этнического самосознания, так же как и принадлежность его к той или иной профессии ничего еще не говорит о его профессионализме и уровне развития профессионального самосознания. В исторической практике существует множество примеров прямо противоположного характера, когда, например, геноцид против своего народа совершали янычары, рекрутируемые из представителей болгарского народа, но воспитанные в совершенно ином духе. Служение врагу являлось не такой уже и редкостью во время самых различных войн и других конфликтов. Поэтому формирование самосознания молодежи как важнейшей составляющей этнического самосознания является неотложной задачей выработки соответствующей молодежной политики и политики воспитания подрастающего поколения. Не менее актуальным является формирование профессионального самосознания. Перевод любого социального института в режим простого функционирования таит в себе опасность незаметной деградации профессиональной культуры общества, важнейшей составляющей которой является духовность. Содержание духовности не является порождением лишь разума или злой воли отдельно взятых индивидов, а выступает в качестве своеобразного единства коллективного и индивидуального существования человека, проявляемого в особенностях его мышления и поведения как биосоциального и духовного, сознательного и бессознательного начал. Образ жизни, образ мысли и поведения и образование в целом есть результат культивирования соответствующих духовных идеалов, являющихся своеобразной квинтэссенцией как общечеловеческих, так и национальных ценностей. И педагогика как своеобразный инструмент этого культивирования предстает прежде всего как этнопедагогика или своеобразный способ формирования духовно-нравственной, личностной основы человека,

интегрируемого в мировое сообщество и общецивилизационный процесс, проявляемый в профессиональной, экономической, политической, научной и другой социальной надличностной и наднациональной институализации, имеющей глобальный характер. Эти социально-культурные типы различаются между собой особенностью языка, религиозной веры, философского мировоззрения и духовной жизни в целом, выражаемой в соответствующем ее образе, стереотипах мышления, менталитете, национальном характере и т. п. Речь идет не столько о бестелесном, сознательно-волевом энергетическом начале индивидуальной духовной жизни, сколько об идеальной социально-культурной сущности человека как родового существа, проявляемой в виде таких социально-культурных качеств, как толерантность, благородство, патриотизм, нравственность и т. д., обретаемых в результате социализации. Началом этой социализации становится усвоение духовной культуры своего народа и этноса. На этой основе и осуществляется взаимодействие с другими народами и этносами, людьми и социальными общностями других культур. Иное дело, что это взаимодействие может принимать самые различные формы. Национальный и другой экстремизм, терроризм, нетерпимость к ценностям и нормам чужих культур также являются результатом соответствующий, чаще всего стихийной, социализации. Как позитивные, так и негативные социальные качества имеют соответствующую этническую основу, проявляемую в виде коллективного бессознательного. Это коллективное бессознательное может обретать различные формы: от национализма до интернационализма, от патриотизма до пацифизма. Однако растворить этническую основу социального взаимодействия в ориентации лишь на общечеловеческие ценности еще никому и никогда не удавалось.

Молодежь – наиболее инновационная часть населения любой страны, изначально ориентированная на новизну, нерешенные еще проблемы, революционные и другие кардинальные изменения в обществе. Эту способность к инновации и творчеству нередко ищут в возрасте самом по себе как биологической характеристике человека, природной креативности молодежи, особенностях ее психики. В самом общем виде креативность выражает собой те особенности психики, которые способствуют в психологическом смысле становлению и проявлению творчества. Исследуются, в частности, взаимосвязь и взаимообусловленность креативности общения и креативности мышления молодежи. К признакам креативности общения чаще всего относятся: оригинальность как способность к новизне, как нестандартность разрешения коммуникативных ситуаций; гибкость как способность к продуцированию разнообразных вариантов решения проблем межличностного взаимодействия; широта как выработка большого количества вариантов решения проблем взаимодействия. По мнению отдельных исследователей данной проблемы, креативность мышления и креативность общения являются взаимосвязанными и взаимозависимыми понятиями и составляют вместе особое свойство личности, которое проявляется в развитии как самой личности, так и окружающего мира. И если в недавнем прошлом под творчеством понимались преимущественно духовная деятельность, умственный труд, то сегодня все больше говорится о творческой одаренности в духовной сфере: в музыке, живописи и других искусствах; научном, техническом, социальном и других видах деятельности.

На неправомочность сведения творчества лишь к искусству и связанное с этим узкое понимание творческого дарования более 75 лет тому назад обратил внимание выдающийся американский предприниматель, основоположник автомобильной индустрии США Г. Форд. Это во многом послужило толчком к пересмотру традиционных точек зрения. С этого времени творческие способности молодежи связываются не столько с культурой, сколько с психологией личности. Само же творчество представляется как некая универсальная общечеловеческая характеристика, определяемая лишь врожденными способностями юных дарований, которые следует вовремя заметить и развить в нужном направлении.

Такая позиция не выдерживает критики по целому ряду причин. К тому же она не только не преодолевает социально-культурный подход к решению проблемы творчества, но и сама

является частным взглядом на данную проблему с позиции культуры американского общества. Для развития природных способностей индивида необходима не только поддержка извне, но мобилизация собственной воли, развитие собственного самосознания на основе тех или иных представлений о должном поведении. «При таком способе освоения явления действительности рассматриваются не в их фактическом бытии, нейтральном по отношению к человеку, а именно в отношении с его субъективным стремлением и интересом» [3, с. 35].

Иначе говоря, телеологически оценивать предмет – это значит не выявлять его естественные свойства (ибо естественных телеологических свойств попросту не существует), а рассматривать его таким (или не таким), каков он должен быть, – т. е. судить о нем с точки зрения характера его долженствования, соответственно должному. «Ценность как цель человеческого стремления не навязывается ему с реальной необходимостью, а должна свободно выбираться им. Так «прорваться» в мир должного можно лишь при критическом отношении к сущему, хотя бы мысленно преодолев, встав над ним, лишь подчинив сущее (включая собственное эмпирическое существование) своей воле, т. е. лишь в условиях хотя бы относительной свободы. Если я поставил себе целью решить математическую задачу, то я должен следовать логически необходимым условиям ее решения. Если я хочу быть справедливым, то я должен научиться этически и социально необходимым нормам справедливости. Если я хочу, чтобы созданное мною художественное произведение было гармоничным, то я должен следовать законам гармонии. Вот эту детерминированность человеческой деятельности свободно, по своей воле выбираемой целью, т. е. ценностную детерминированность можно с полным правом назвать свободной необходимостью. Свободной в том смысле, что это дело моей воли – признать или опровергнуть цель. Но признав ее и желая ее достигнуть, я должен обязательно подчиниться ее требованиям. Если хочешь постичь истину, то надо поступать так-то и так-то. Если хочешь быть здоровым, то нужно вести себя таким-то и таким-то образом. Вот это «надо» и «нужно» и есть форма необходимого отношения человека к ценности, «форма «объективности» ценностей, не только не ущемляющая человеческой свободы, но и являющаяся ее фундаментальным условием» [3, с. 8].

Телеологические свойства явлений, раскрываемые ценностным сознанием, – это не природно-реальные их признаки; в них (подобно стоимости товара) нет ни атома телесной субстанции. Они присущи явлениям не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они вовлечены в практическую деятельность человека. Они выражают значимость явлений для человека. Ценность (и ее бытие в качестве ценности абсолютной справедливости) вовсе не ущемляется тем, что она до сих пор далеко не полностью реализована в мире. Ценность мечты может предвосхищать ценность наличного блага. Да и эти последние – ценны не постольку, поскольку они существуют фактически, а поскольку они такие, какими должны быть. Должное же поведение человека определяется его социальным существованием. Поэтому не случайно известный русский педагог К. Д. Ушинский, признавая существование врожденных стремлений, относил к ним и стремление к индивидуальному существованию, и стремление к общему и родовому существованию, и стремление к сознательной деятельности. «Цель в жизни, – считал он, – является сердцевинной человеческого достоинства и человеческого счастья. И чем быстрее и полнее Вы будете удовлетворять стремление человека к наслаждениям, отнимая у него цель в жизни, тем несчастнее и ничтожнее Вы его сделаете» [4, с. 351–352]. Понятно само собой, что эта цель должна быть у человека, чтобы достижение ее могло дать беспрестанную и постоянно распространяющуюся деятельность человеку, такую деятельность, которую требует его душа, чтобы не искать наслаждений и пренебрегать страданиями. Свойства этой цели определяются уже особенностями человеческой души.

Таким образом, творчество – исключительно феномен культуры, а не индивидуальной психологии, и сформировать его у подрастающего поколения возможно лишь в процессе социализации, а не благодаря лишь работе с одаренной молодежью.

Социализация как процесс включения подрастающего поколения в существующую социально-культурную практику представляет собой как целенаправленный воспитательный процесс, регулируемый государством, так и спонтанный, никем не направляемый компромисс выражения самодеятельности личности и традиций самых различных социальных общностей, представителем которых он является, от детских и молодежных сообществ до этнических, политических и других объединений. В силу этого адекватная молодежная политика всегда является выражением этого компромисса. Однако на практике выработать такой компромисс оказывается весьма не просто. Чаще всего в качестве доминирующего начала в выработке такой политики выступают государственное регулирование и менеджмент. При этом ставка на совершенствование управления социальными процессами, имеющая глубокие исторические традиции, не только не ослабевает, но и усиливается.

Степень государственного регулирования воспитательного процесса и свободы воспитания, начиная с XVIII столетия, является центральной проблемой философии образования. Должен ли быть воспитательный процесс стандартизированным и идеологически направленным или же в качестве общественного идеала предпочтительной является свобода воспитания? Должна ли система воспитания ориентироваться исключительно на государственный интерес или с необходимостью вынуждена выражать интересы всего гражданского общества? Данные вопросы во всей своей остроте перед философской и общественно-политической мыслью встали уже два столетия тому назад. Так, для Дж. Локка в качестве идеала общественного воспитания выступал образ самодеятельного джентльмена, для Ж.-Ж. Руссо свобода воспитания является выражением самой природы человека, игнорирование которой в виде административного и иного вмешательства оборачивается многочисленными бедствиями. Гельвеций считал, что все люди по своим природным задаткам гениальны, и проявление этой гениальности зависит от воспитания и общественных условий, которые сами являются результатом хорошего или плохого законодательства [5, с. 4]. Общество, согласно такой философской позиции, по существу является результатом государственного планирования и социального проектирования, выражением мыследеятельности или способности ума.

Целью воспитания, по мнению И. Канта, должна выступать выработка у каждого гражданина внутреннего нравственного закона, обеспечивающего его самодеятельность. Категория долга, согласно ему, относится к одним из важнейших этических составляющих духовной жизни человека. Возникновение и развитие данной категории связано прежде всего именно с тем, что человек не существует сам по себе, а в процессе своей жизнедеятельности подчиняется ряду правил и требований по отношению к другим людям (как к конкретно окружающим в повседневной жизни, так и к обществу в целом) и к самому себе. Поведение людей зависит от культуры и состояния среды, в которой они живут, при этом оно сопровождается рядом обязательств по отношению к окружающим.

Самодеятельность, основывающаяся на удовлетворении человеком своих естественных и социальных потребностей, явилась своеобразным философским кредо для М. Бакунина, П. Кропоткина и других русских философов-анархистов. При этом ими отрицается не только правомерность любого государственного регулирования воспитательного процесса, но и необходимость государства в целом. М. Бакунин горячо отстаивает не только свободу воспитания, которую он выводит из общинных принципов организации общества, но и свободу жизнедеятельности в целом.

Совершенно противоположной точки зрения относительно данной проблемы придерживались К. Маркс и Ф. Ницше, для которых государственная организация – неперемненное условие общественного воспитания и организации общественной жизни в целом. Оба философа отрицают свободу воли личности, но отрицают ее с позиции различных философских представлений о социальной детерминации. Они оба исходят из идеи исторической обусловленности общественного воспитания и его государственного регулирования, но понимают эту

историческую обусловленность по-разному. Для Маркса основой этой детерминации является общественная форма удовлетворения человеком своих материальных и духовных потребностей, которая с неизбежностью предполагает исторически обусловленные формы государственного регулирования. Для Ницше необходимость государственного регулирования воспитательного процесса диктуется самим ходом развития культуры общества, выражением его основополагающих ценностей. Желание «свободы воли», желание самому нести всю без изъятия ответственность за свои поступки, сняв ее с Бога, с мира, с предков, со случая, с общества, согласно Ф. Ницше, – есть ничто иное, как желание быть той самой *causa sui* и с более чем мюнхаузеновской смелостью вытащить самого себя за волосы в бытие из болота. «Каждое время, – утверждал он, – имеет свой собственный божественный род наивности, измышление которой может возбудить зависть других веков...» [6, с. 286].

Продолжая традиции славянофилов, российский философ В. В. Розанов в своей работе «Сумерки просвещения» показывает несостоятельность решения проблемы воспитания лишь с помощью государственного регулирования. «Теоретики и практики, – пишет В. В. Розанов, – согласны, что ключ ко всякому прочному успеху в преображении людей в искусственном представлении о человеке, которое они составили. Все субъекты воспитания стремятся обладать этим ключом. С XIX века государство, возобладавшее над всеми остальными сторонами народной жизни, естественно, и получило в свое обладание этот ключ. Церковь со своим особым набором понятий и представлений, семья с индивидуальностью своих навыков и стремлений, не говоря уже о других меньших, но столь же живых и конкретных силах истории, были недоверчиво и пренебрежительно устранены от воспитания» [7, с. 2].

В современных условиях в связи с переходом к рыночной экономике и информационным технологиям образования создавшееся положение дел существенно не изменяется, а в какой-то мере еще более усугубляется. Это связано с тем, что профессиональная и в целом элитарная культура в данных условиях все больше уступает место массовой, ценности народной и национальной культур все больше сменяются цивилизационными, общечеловеческими ценностями и нормами. Вслед за унификацией образования стремительно снижается ее воспитательная эффективность. При этом кризис образования все больше обретает глобальный характер. Сегодня он охватывает как западноевропейское образовательное пространство, так и образовательное пространство постсоветских стран.

При этом кризис образования и воспитания на постсоветском пространстве по существу является выражением кризиса государственного управления и регулирования воспитательного процесса и самостоятельности учреждений образования. Суть этого кризиса можно представить в виде следующей проблемной ситуации, выраженной через противоречия:

между ориентацией государственных органов управления и учреждений образования на инновационное развитие и воспитание творческой самостоятельности личности и нарастанием тенденции конформизма, характерного для массового общества;

между структурно-функциональной организацией учебно-воспитательного процесса и самостоятельностью учреждений образования, основанной на самостоятельности каждой отдельно взятой личности;

между солидарностью учреждений образования, основанной на единой системе социальных ценностей, и свободой их выбора, творческой самостоятельностью и индивидуальностью.

между практикоориентированными социально-культурными педагогическими технологиями и господствующими в учреждениях образования психолого-педагогическими технологиями;

между классическими и неклассическими принципами рациональности, используемыми в организации учебно-воспитательных процессов и государственном управлении учебными заведениями.

В создавшихся условиях разрешение названных противоречий и проблема определения принципов государственного регулирования воспитательным процессом становится безотлагательной и выступает важнейшим гарантом национальной безопасности.

1.3. Молодежь как социокультурная группа белорусского общества

Молодежная проблематика является актуальной во все времена, поскольку именно это поколение является одним из ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность. В так называемых нормальных условиях (стабильное общество) этот резерв является скрытым, в случае же внезапного кризиса или при необходимости перестройки основных позиций выживание общества зависит от способности быстрой и правильной мобилизации этих латентных ресурсов. Статичные общества, которые развиваются постепенно при медленном темпе изменений, опираются главным образом на опыт старших поколений. Они сопротивляются реализации скрытых возможностей молодежи. Такое общество сознательно пренебрегает жизненными духовными резервами молодежи, поскольку не намерено нарушать существующие традиции.

В противоположность таким статичным, медленно изменяющимся обществам динамические общества, стремящиеся к новым стартовым возможностям, независимо от господствующей в них социальной или политической философии, опираются главным образом на сотрудничество с молодежью. Они организуют и используют свои жизненные ресурсы, нарушая установившийся ход социального развития. В этом отношении разница существует только между обществами, добивающимися изменений с помощью реформ или революций. И в том и в другом случае это должна делать молодежь. Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам.

В динамически развивающемся мире, в условиях преимущественно городской жизни молодое поколение может стать реальной социальной силой, которая способна изменить или трансформировать господствующую ценностную систему, адаптируя ее к условиям реальной жизни. Однако для этого молодежь должна стать востребованной в деле социального строительства и кроме теоретических возможностей должна обладать соответствующими ресурсами, которые позволили бы ей эффективно влиять на социальную жизнь.

Для активного и успешного включения молодежи в осуществляемые социокультурные процессы важно понимать особенности современного молодежного сознания. Жизненный мир молодого человека определяется колебаниями между полюсами – стремления к независимости, самостоятельности, индивидуальности, уникальности, отдельности и желания быть частью сообщества, группы, быть признанным ими. Конечно, сказанное относится и к взрослым, ведь об экзистенциальной дихотомии личности при ее стремлении к отдельности и солидарности с группой отмечал еще Э. Фромм. Тем не менее впервые осознается оно именно во время взросления и поэтому переживается наиболее остро.

По мнению английского социолога С. Фриса [1], молодость как связующее звено между детством и взрослостью выражает собой фундаментальное *переходное* состояние. Если детство связывается с безответственностью и зависимостью, а взрослость, соответственно, с ответственностью и независимостью, то молодость уже не может характеризоваться с позиции безответственности и зависимости. Вместе с тем нередко можно столкнуться с тем, что молодые люди хотят независимости, но не готовы брать ответственность. Требование своих прав в действиях, поступках, решениях, личностном выборе не всегда сочетается с принятием связанных с ними обязанностей.

Следует отметить также ряд антропологических особенностей, свойственных представителям этой возрастной группы. Молодые люди характеризуются общностью социального бытия, связанной с тем, что большинство их занимают промежуточный социальный статус.

Точнее сказать, они не обладают таковым в полной мере, ибо молодой человек, являясь школьником, студентом, военнослужащим, находится все еще на стадии первичной социализации, и вскоре он будет поставлен перед необходимостью занятия более прочной позиции в социальной структуре, где будет протекать его вторичная социализация. С этим связана *общая неопределенность социальной жизни* молодежи, ведь дальнейшая социальная мобильность предстает скорее как веер возможностей, которые заключают в себе как перспективу роста, восхождения на новую ступеньку социальной лестницы, так и перспективу занятия маргинальных и «нестандартных» социальных позиций.

Социальная неопределенность, как правило, является выражением *экономической несамостоятельности* молодых людей. В большинстве своем представители молодого поколения, лишенные определенного социального статуса, материально зависимы от своих родителей, что, безусловно, во многом ограничивает свободу действий и выбора молодых граждан.

Далее можно обнаружить, что молодежь описывается специфическими особенностями биологического и психологического развития, которые можно зафиксировать емким словом «*неустойчивость*». Молодые люди находятся на стадии не только социального, но и биологического (физиологическое формирование организма) и психологического (становление рациональной способности) взросления, поэтому их поведение, реакции и действия в одной и той же ситуации могут существенным образом отличаться. Биопсихологическое созревание юношей и девушек обуславливает их малопредсказуемое, а порой и импульсивное, невротичное поведение. Неустойчивость сознания молодежи приводит к его восприимчивости, подверженности чужому влиянию, манипуляциям, будь то со стороны конкретных индивидов и групп или безличных носителей власти (масс-медиа).

Психологическая неустойчивость часто самым тесным образом связана с особенностями духовно-нравственного бытия молодого человека, поскольку именно в этот период происходит длительный и непростой процесс формирования мировоззрения личности, осознание и принятие в качестве личностно значимых ценностей и норм социального поведения, а также обретения персональной идентичности. Знаменитый термин «*кризис идентичности*» изначально употреблялся как раз для характеристики подросткового возраста. По мнению его автора Э. Эриксона, на жизненной стадии от 12 до 18 лет подросток сталкивается с проблемой понимания, утверждения и созидания своей личностной идентичности [2].

Основным моральным противоречием в развитии молодого человека на этой стадии выступает дилемма между сохранением своей идентичности и выполнением множества социальных ролей, которая вносит постоянную путаницу в его самопонимание. На этом этапе формируется абстрактное мышление, определенные подходы к ситуациям, людям, вещам, моральные принципы, появляется интерес к философским, политическим, религиозным взглядам и идеям, идеалистические представления об изменении общества. Задача подростка заключается в том, чтобы, осмысливая себя в качестве ученика, сына/дочери, брата/сестры, участника спортивного клуба, гражданина, пассажира, представителя молодежной субкультуры и проч., достичь целостного представления о самом себе, увязать прошлый опыт с настоящим и своими будущими личностными жизненными стратегиями. При этом влияние родителей на успешное преодоление «кризиса идентичности» косвенно и зависит в большей степени от волевых, интеллектуальных, моральных способностей и выборов юношей и девушек. С точки зрения психолога, более продуктивна идентификация себя в этом возрасте с какой-либо молодежной субкультурой, чем потерпеть неудачу в идентификации своей личности вообще.

Общая неопределенность и неустойчивость, свойственные молодежи, и являются основанием того, что молодое поколение более открыто для всего нового, чем старшее, а поэтому и может выступать источником социально-культурных изменений. Другими словами, особенности социального, биопсихологического и духовно-нравственного бытия молодежи обуславливают то, что в современном обществе функция культурного творчества рассматривается

прежде всего применительно к молодежной культуре. При этом в переходные эпохи роль молодежи в развитии общества значительно возрастает. М. И. Новинская объясняет это тем, что «в такие времена нормы и ценности предшествующих поколений приходят в острое противоречие с изменением общественной реальности, но продолжают сохранять господствующее положение. Именно это провоцирует упреки «детей» в лживости и лицемерии «отцов», что дает повод осознать эту ситуацию в понятиях «конфликта поколений» [3, с. 17].

Однако не следует забывать, что молодое поколение, кроме инновационной функции, выполняет также роль преемственной связи по отношению к предыдущим поколениям. Здесь следует зафиксировать весьма серьезную проблему, связанную с тем, что в молодежной культуре может быть нарушено равновесие между культуросозидательной функцией и функцией поддержания традиции. В итоге возникает ситуация антагонизма между новациями и традициями, причем возможность сохранения одной из тенденций (новации либо традиции) связывается с тотальной элиминацией другой.

Многие выборы в повседневной жизни молодых людей часто осуществляются на фоне самоуверенного представления о том, что впереди у молодого человека еще большая часть жизни, поэтому основные жизненные векторы и решения подвластны изменению. Здесь имеет корни установка «нужно все попробовать в жизни», достаточно распространенная среди молодых людей. Такой способ мысли может подспудно подталкивать юношей и девушек к тому, чтобы злоупотреблять алкоголем, попробовать легкие или тяжелые наркотики, нетрадиционные сексуальные практики и проч. В то же время молодые люди не задумываются, что этот опыт может оказать влияние на всю их последующую жизнь. Ведь нередко травмы, полученные в состоянии опьянения по неосторожности или в драках, случаи ДТП при вождении автомобиля в нетрезвом виде, уголовные дела за употребление, распространение или изготовление наркотических средств. В измененном состоянии сознания проще стать жертвой насилия, грабежа или самому инициировать противоправные действия.

В целях выяснения специфики молодежи как социокультурной группы белорусского общества обратимся к социологическим данным, посредством которых представляется возможным конкретизировать положение относительно ценностных приоритетов молодых людей, их гражданской позиции, уровня социального оптимизма.

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г.¹, приоритетными смысложизненными ценностями белорусской молодежи (формулировка вопроса «Что для Вас в жизни является наиболее важным?») являются (в порядке убывания): родители; здоровье; супруг(а), любимый человек (табл. 1).

Таблица 1. Смысложизненные ценностные ориентиры белорусской молодежи (средний балл²)

---

¹ В данном разделе представлены результаты социологического исследования, проведенного сектором культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси по республиканской выборке в 2013 г. (выборочная совокупность составила 1545 респондентов).

² В данной таблице представлен средний балл от 1 до 5, где 1 – ценность ничего не значит; 5 – это самое главное в жизни.

Смысловые ценности	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Родители	4,80	4,75
Здоровье	4,76	4,81
Супруг(а), любимый человек	4,64	4,52
Материально-обеспеченная жизнь	4,64	4,44
Дети	4,46	4,75
Душевный покой и комфорт	4,45	4,53
Физическая красота, привлекательность	4,40	3,74
Друзья	4,33	3,99
Интересная работа	4,30	3,95
Профессионализм в своем деле	4,26	4,08
Досуг и хобби	4,08	3,75
Репутация в глазах значимых для Вас людей	3,91	3,72
Карьера	3,78	3,11
Общественная польза моего труда	3,73	3,70
Высокое положение в обществе	3,56	2,98
Власть, возможность влиять на других людей	3,19	2,81

Среди инструментальных ценностей (формулировка вопроса «Что (кто) помогает Вам справиться с жизненными проблемами?») выделяются: семья, близкие родственники; здоровье и личностные качества (табл. 2).

Таблица 2. Инструментальные ценностные приоритеты белорусской молодежи (средний балл³)

Инструментальные ценности	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Семья, родственники, близкие друзья	4,62	4,61
Здоровье	4,29	4,19
Личностные качества (терпимость, духовность и т. п.)	4,07	4,02
Деньги	4,04	4,07
Деловые качества	3,91	3,85
Знания, жизненный опыт, информированность	3,88	4,04
Привлекательная внешность	3,78	3,33
Образованность и профессиональная компетентность	3,55	3,54
Наличие связей среди профессионалов различных областей	3,49	3,43
Наличие собственности (жилье, машина и т. п.)	3,47	3,83
Личный авторитет, известность, репутация	3,40	3,49
Ваше положение в обществе	3,28	3,28
Наличие связей с людьми с высоким положением в обществе	3,25	3,10

Анализ полученных в ходе исследования данных позволил сделать вывод: все ценности, на которые опирается молодежь в проблемных ситуациях, разделяются на две группы. Первая группа ценностей, менее эффективная и используемая молодежью, включает в себя не только социальный капитал (наличие связей, авторитет, положение в обществе), но и такие материальные ценности, как собственность, деньги. Вторая группа ценностей, к которой наиболее часто обращается молодежь за поддержкой, представлена личными качествами и социальными связями малого круга (деловые качества, здоровье, жизненный опыт, семья и др.).

Следует отметить, что всеми возрастными группами крайне низко оценивается эффективность ценностей социальных связей в решении жизненных проблем. Это может свидетельствовать о недостаточно широком распространении в Беларуси использования неформальных отношений с влиятельными (в различных сферах) людьми для решения проблем.

Поскольку семейные ценности являются наиболее значимыми для белорусской молодежи, рассмотрим более подробно отношение к различным формам семейной жизни. Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что наиболее приемлемой формой брака для белорусской молодежи, как и для населения в целом, является зарегистрированный брак (табл. 3).

Таблица 3. Оценка степени согласия респондентов со следующими высказываниями (средний балл⁴)

³ В данной таблице представлен средний балл от 1 до 5, где 1 – данное средство не помогает вообще; 5 – это помогает всегда.

⁴ В данной таблице представлен средний балл от 1 до 5, где 1 – полностью не согласен; 5 – полностью согласен.

	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Для меня единственно приемлемой формой семьи является зарегистрированный брак	3,93	4,36
Для меня свободное (незарегистрированное) сожительство с партнером (партнершей) – вполне допустимая форма семьи	3,34	3,02
Для меня допустимо всю жизнь прожить одному, не имея серьезных отношений	2,12	2,16
Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи вступит в зарегистрированный однополый брак	1,95	1,77
Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи будет жить в однополем незарегистрированном браке	1,98	1,78
Я не буду против, если кто-то из членов моей семьи будет жить в свободном браке нескольких мужчин и женщин	1,81	1,73

Однако следует отметить, что молодые люди менее категоричны в своих оценках зарегистрированного брака как единственно приемлемой формы семьи. При этом оценки допустимости создания так называемого гражданского брака среди молодежи выше, чем в более старших возрастных группах. Иными словами, вместе с ростом положительного отношения к сожительству как допустимой форме семейных отношений у молодежи наблюдается уменьшение значимости зарегистрированного брака как единственно приемлемой формы семейных отношений.

Данные оценки приемлемости свободного (незарегистрированного) сожительства в качестве семейных отношений могут быть объяснены относительно большой долей тех, кто имел такой опыт семейных отношений – 21 % от всех опрошенных. При этом зафиксировано: чем моложе группа, тем больше доля тех, кто имел опыт незарегистрированного сожительства.

Таким образом, современная белорусская семья становится все более терпимой к незарегистрированной форме семейных отношений, но при этом сохраняет негативистское отношение к нетрадиционным семьям. Изменение отношения к незарегистрированным семейным отношениям (сожительству) проявляется не только в субъективных оценках допустимости, но и в фактическом поведении, о чем свидетельствует рост доли тех, кто имеет опыт подобных отношений.

Данные проведенного социологического исследования позволили выделить основания отнесения респондентов к представителям белорусской национальности. Быть белорусом – это для молодежи прежде всего (в порядке убывания):

- жить в Беларуси;
- уважать и ценить белорусскую культуру;
- знать и беречь национальные традиции;
- любить Беларусь и белорусов;
- по происхождению быть белорусом;
- считать себя белорусом.

Большинство опрошенной молодежи осознают себя представителями белорусской национальности. Однако зафиксировано, что наибольшую степень осознания продемонстрировали респонденты старших возрастных групп.

Среди критериев, объединяющих белорусов как нацию, по мнению опрошенных, выделяются следующие (в порядке убывания):

- территория проживания;
- традиции (праздники, обряды и др.);
- государство;
- национальная культура;
- происхождение (национальность);
- менталитет, черты характера;
- национальные интересы;
- язык;
- религия, вероисповедание.

Среди качеств современной Беларуси, по оценкам молодых людей, выделяются следующие: «миролюбивая»; «родная»; «духовная»; «открытая».

Эмпирический материал свидетельствует о том, что молодежь Беларуси, как и население в целом, эмоционально позитивно относится к современной

Беларуси – формулировка вопроса «Насколько часто Вы испытываете следующие чувства, когда речь идет о современной Беларуси? (табл. 4).

Таблица 4. Эмоциональное отношение к современной Беларуси (средний балл⁵)

	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Надежда	3,76	3,97
Гордость	3,51	3,75
Достоинство	3,51	3,72
Ответственность	3,32	3,46
Уверенность	3,31	3,61
Сопричастность	2,84	3,14
Превосходство	2,78	2,88
Боль	2,22	2,15
Неполноценность	2,18	1,93
Безнадежность	2,05	1,95
Стыд	1,96	1,86
Равнодушие	1,88	1,76

Данные, представленные в табл. 4, свидетельствуют о том, что наиболее часто по отношению к Беларуси молодежь, как и население в целом, испытывает надежду, гордость, достоинство и ответственность. Однако следует отметить, что наиболее позитивное эмоциональное отношение к современной Беларуси демонстрируют лица старше 55 лет в отличие от молодежи, которая проявила большую критичность.

Собственную жизненную ситуацию молодые люди оценивают достаточно позитивно по сравнению с населением в целом (табл. 5).

Таблица 5. Оценка текущей жизненной ситуации, %

Как бы Вы оценили свою теперешнюю жизненную ситуацию в целом?	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Все более чем нормально	19,3	10,2
Все не так плохо, и можно жить	46,4	44,8
Жить трудно, но можно терпеть	25,3	36,8
Положение бедственное, терпеть уже невозможно	2,1	2,5
Затрудняюсь ответить	7,0	5,7
Итого:	100,0	100,0

Молодежь Беларуси достаточно оптимистично смотрит и в будущее, больше половины молодых респондентов считают, что в ближайшем будущем их жизнь изменится к лучшему (табл. 6).

Таблица 6. Уровень социального оптимизма, %

Как, по Вашему мнению, изменится Ваша жизнь в ближайшем будущем?	Молодежь до 30 лет	Население в целом
Изменится к лучшему	59,6	41,9
Останется без изменений	18,3	26,2
Изменится к худшему	3,9	5,9
Затрудняюсь ответить	18,1	26,0
Итого:	100,0	100,0

Представленные данные свидетельствуют о том, что молодое поколение отличается сегодня достаточно позитивной оценкой текущей жизненной ситуации и высоким уровнем социального оптимизма.

Таким образом, проведенный анализ социологических данных показал, что приоритетными смысловыми ценностями белорусской молодежи являются: родители, здоровье,

⁵ В данной таблице представлен средний балл от 1 до 5, где 1 – никогда не испытываю этого чувства; 5 – постоянно испытываю это чувство.

супруг(а), любимый человек. Все ценности-средства, на которые опирается молодежь в проблемных ситуациях, разделяются на две группы: 1) социальный капитал (наличие связей, авторитет, положение в обществе), а также собственность и деньги как материальные ценности – в виде ценностей-средств менее эффективны и используемы молодыми людьми; 2) личные качества и социальные связи малого круга (деловые качества, здоровье, жизненный опыт, семья и др.) – к этим ценностям-средствам наиболее часто обращается молодежь за поддержкой. Большинство респондентов осознают себя представителями белорусской национальности. Однако зафиксировано, что наибольшую степень осознания продемонстрировали респонденты старших возрастных групп. Среди критериев, объединяющих белорусов как нацию, выделяются следующие (в порядке убывания): территория проживания; традиции (праздники, обряды и др.) и государство. Наименее объединяющими белорусов являются, по мнению молодых респондентов, язык и религия. Данные социологического исследования свидетельствуют о том, что молодежь, как и население в целом, эмоционально позитивно относится к современной Беларуси. Наиболее часто по отношению к Беларуси молодежь испытывает надежду, гордость, достоинство и ответственность. Однако следует отметить, что более позитивное эмоциональное отношение к современной Беларуси демонстрируют лица старше 55 лет в отличие от молодежи, которая проявила большую критичность.

1.4. Ценностно-правовые ориентации современной молодежи и ее отношение к социальным девиациям

Исследования ценностных ориентаций молодежи, проводимые в Беларуси, свидетельствуют о динамичных процессах формирования ценностного сознания современных молодых людей. Эти процессы обусловлены спецификой социально-экономических, политических, социокультурных преобразований, происходящих на данном историческом этапе общественного развития. Являясь важнейшим элементом структуры личности, ценностные ориентации призваны дифференцировать самое важное, значимое и существенное для данной личности или социальной группы от того, что представляется не значимым и не существенным.

Особенностью ценностного восприятия мира является то, что в качестве ценности для личности может выступать любой объект окружающей действительности, любая вещь, явление, отношение, свойство, норма, идея. «Все многообразие предметов человеческой деятельности, общественных отношений и включенных в их круг природных явлений может выступать в качестве «предметных ценностей» как объектов ценностного отношения, то есть, оцениваться в плане добра и зла, истины или не истины, красоты или безобразия, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д.» [1, с. 765].

Ценности отражают представления о назначении человека, являются фундаментальными основаниями общественного сознания и, следовательно, формируют самые устойчивые, глубинные стимулы человеческой деятельности. Ценностные системы различных социальных общностей формируются и трансформируются в процессе исторического развития общества. Система ценностей конкретного общества выступает в качестве самого высокого уровня социальной регуляции. Поэтому аксиологические исследования становятся особенно актуальными в переходные периоды развития общества, когда происходит трансформация, смена ценностных систем на всех уровнях сознания – личностном, коллективном, общественном.

Сформированные ценностные ориентации, являясь важнейшими элементами внутренней структуры личности, обеспечивают ее устойчивость, цельность, верность избранным идеалам. Они обуславливают приверженность определенному типу поведения и следование определенным принципам. Ценностные ориентации детерминируют мотивацию личности. Поскольку личностные системы ценностных ориентаций выступают в качестве регуляторов социального поведения индивидов, постольку они формируют общественную потребность в ценностном анализе.

Повышенный интерес вызывают исследования ценностного мира новых поколений граждан. Ценностные ориентации молодежи являются предметом пристального изучения и целенаправленного воспитательного воздействия со стороны общества и его социальных институтов. Особенно в том случае, если представители молодежи адаптируются к новым социально-экономическим условиям, воспринимая и интериоризируя в своем сознании ценности, несущие опасность различных девиаций.

Противоречия в формировании ценностно-нормативной системы личности ведут к утрате нравственных идеалов и моральных регуляторов поведения. По мнению академика В. Н. Кудрявцева, «социальные отклонения, как правило, связаны с устойчивыми искажениями ценностных ориентаций среди тех слоев и групп населения, которые продуцируют отклоняющееся поведение.

Эта связь неоднозначна: социально отклоняющееся поведение и порождается искаженными ценностными ориентациями, и сопровождается ими, и, в свою очередь, способствует их дальнейшей деформации» [2, с. 148].

Особенно заметны изменения в ценностном сознании молодежи в периоды масштабных общественных трансформаций. Исследования, проведенные в последние два десятилетия,

показывают, что ценностное сознание современной молодежи синкретично. В нем отражается противоречивый конгломерат осознанных и неосознанных ценностей, норм, и установок.

Современная молодежь по сравнению с молодежью 60–80-х годов в меньшей степени ориентирована на такие ценности, как бескорыстие, справедливость, моральная ответственность, возможность приносить пользу обществу, любовь к Родине, возможность заниматься любимым делом, стремление трудом завоевать уважение товарищей. Наблюдается смещение акцентов в ценностном сознании молодежи с направленности на ценности коллективизма на ценности индивидуалистические (здоровье, любовь, семья, дети, личностное общение) и прагматические (материальная обеспеченность, деловая активность, предприимчивость, карьера, экономическая независимость, толерантность).

Социологические исследования, проводимые белорусскими учеными, показывают, что противоречия в формировании ценностно-нормативной системы личности в период системной трансформации белорусского общества ведут к утрате нравственных идеалов и моральных регуляторов поведения. Актуальные проблемы по формированию ценностных ориентаций личности нашли отражение в работах Е. М. Бабосова, С. П. Винокуровой, А. К. Водневой, С. В. Лапиной, С. Д. Лаптенка, С. А. Морозовой, В. И. Русецкой, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко, Л. В. Филинской, С. А. Шавеля и др.

Исследуя типологии модификаций девиантного поведения в молодежных субкультурах современного трансформирующегося общества, Н. М. Римашевская, Н. Е. Маркова и Н. Л. Смакотина отмечают, что существенное влияние на развитие и поведение молодых людей оказывает негарантированность, быстро меняющиеся «правила игры», которые приводят к трудным жизненным ситуациям, неудовлетворенности жизнью. Изменения в сфере культуры и нормативно-ролевого комплекса носят интенсивный, а подчас и драматический характер. Поиск новых ценностных ориентаций и смыслов самым существенным образом связан с поиском молодыми людьми новых форм организации социальной жизни и деятельности, экспериментированием в формах семьи, стиле жизни, организации труда, досуга, с созданием альтернативных систем ценностей и идеологий [3, с. 57].

Накладывают отпечаток на ценностное сознание молодежи и процессы криминализации общества, под влиянием которых трансформируются ценностные ориентации достижения жизненного успеха. Освоение таких терминальных ценностей (ценностей-целей), как материальная обеспеченность, богатство, допускается различными, в том числе и внеправовыми средствами, что является характерным для состояния аномии. Наблюдаемая деформация нравственно-правового сознания некоторой части населения ведет к размытости представлений о том, что допустимо, а что нет, вариативности девиантных поведенческих практик.

Трансформационные процессы, происходящие в обществе, не только обнажили прежние, но и обусловили возникновение новых проблем, в связи с чем наблюдается расширение предметной области теоретических и эмпирических исследований девиантности молодежи. Становление и развитие исследований по социологии девиантного поведения в Беларуси связано с именами таких ученых, как Н. А. Барановский (проблемы пьянства и алкоголизма, наркотизации молодежи, преступности несовершеннолетних, теоретико-методологические основы ювенальной антидевиантной политики и пр.); Ю. М. Бубнов (коррупционные проявления различных социальных групп); А. К. Воднева (проблемы насилия в семье, молодежной девиантности); И. В. Левицкая (социальные девиации); О. Г. Лукашова (проблемы пьянства, девиантности молодежи и безработных, насилия в среде несовершеннолетних осужденных); Л. Г. Новикова (молодежные девиации, система правового воспитания учащихся); И. Н. Дунаева (международные виктимологические исследования, насилие в среде несовершеннолетних осужденных); С. Т. Кавецкий (аномия и распространение социальных девиаций), а также ряда других исследователей и направлений исследований.

Понятие «девиантность» или «социальное отклонение» определяется путем соотнесения с понятием «социальная норма». Исходя из этого, девиантность (отклонение) рассматривается как поведение, нарушающее социальные нормы определенного общества. Такое поведение выражается в поступках, поведении (действиях или бездействии) как отдельных индивидов, так и социальных групп, отступающих от установленных законодательно или сложившихся в конкретном социуме общепринятых норм, правил, принципов, образцов, обычаев, традиций [4, с. 736]. В отличие от криминологии и других правовых наук, рассматривающих девиантное поведение в ракурсе нарушения норм права, социология использует более широкое определение девиации. В социологии к отклоняющемуся поведению принято относить не только правонарушения, но также весь спектр антиобщественных явлений, вызывающих осуждение в обществе. Прежде всего это суицид, такие социальные пороки, как пьянство, алкоголизм, наркомания, немедицинское потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и иных одурманивающих веществ, проституция, сексуальные перверсии, бродяжничество и пр. Все более широко распространяются в обществе такие проявления девиантности, как игорные и компьютерные аддикции.

Соответствие ценностных ориентаций личности принятой в обществе ценностно-нормативной системе препятствует возникновению отклоняющегося поведения, сдерживает распространение девиаций. Напротив, отрицание ценностей, неприятие идеалов, отступления от моральных установок, отклонения от социальных и правовых норм, образцов поведения, традиций выступают в качестве факторов, способствующих формированию асоциального поведения личности. Формирование ценностно-правовой составляющей сознания особо значимо для молодежных когорт общества в процессе их социализации. Общество и государство заинтересованы в высоком уровне развития правовой культуры населения как регуляторе общественных отношений, сдерживающем развитие девиантных проявлений в поведении индивидов и социальных групп.

Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что переходный период в жизни белорусского общества характеризуется неустойчивым ценностным сознанием, когда правовые и нравственные нормы глубоко не усвоены, не интериоризированы в сознании части молодежи. Показателем этого является допущение молодыми людьми совершения поступков, нарушающих принятые в обществе нормы и отклоняющихся от устоявшихся образцов поведения. Так, исследование жизненных и профессиональных ориентаций молодежи г. Минска, проведенное в 1997 г. Минским НИИ социально-экономических и политических проблем Мингорисполкома, показало, что 15,7 % молодых людей в стесненных экономических обстоятельствах допускают возможность заняться делом, приносящим доход, но наносящим вред их престижу, угрожающим здоровью, жизни или свободе. В том числе они отмечали, что считают возможным заниматься рэкетом, сутенерством, проституцией, распространением наркотиков или порнографических материалов, мелким воровством и др. Склонность к девиантному поведению в большей степени продемонстрировали лица мужского пола (19,1 %). Среди девушек допускали возможность подобного поведения, спровоцированного трудной жизненной ситуацией, 12,3 % респондентов⁶. Таким образом, материалы исследования свидетельствуют о трансформации ценностного сознания молодежи, что впоследствии приводит к переориентации поведения некоторых молодых людей с правовых на внеправовые способы достижения жизненного успеха.

Поскольку правовая культура (личности, социальной группы, общества в целом) является важнейшим фактором, детерминирующим социальное поведение индивида, то повыше-

---

⁶ Выборочное обследование населения г. Минска по вопросам занятости и безработицы и дополнительное обследование молодежи по вопросам жизненных и профессиональных ориентаций (1997 г.) проведено Минским НИИ СЭиПП Мингорисполкома (Руководитель ВНК – Г. Н. Соколова, руководитель полевого эмпирического исследования – О. Г. Лукашова).

ние ее уровня обусловлено потребностями снижения распространения преступлений и других форм асоциального поведения. Поэтому сегодня повышенный интерес у исследователей, представителей государственных и общественных институтов вызывают проблемы формирования духовной культуры (и в частности, правовой культуры) как основы достижения социальной стабильности, источника свободного и творческого развития человека.

Материалы социологических исследований дают богатый материал, характеризующий ценностный мир современной молодежи, ее отношение к различным социальным девиациям. В рамках социологического исследования нравственно-правовой культуры молодежи, проведенного в 2011–2013 гг., особое внимание уделялось анализу состояния и динамики распространения девиантного и делинквентного поведения в среде современной белорусской молодежи, изучению ее нравственно-правовой культуры как фактора противодействия социальным девиациям⁷. Рассмотрим результаты исследования, касающиеся представлений молодежи о ценности права, мотивацию соблюдения/несоблюдения ими правовых норм; представим мнение различных категорий опрошенных относительно действий, основанных на нравственно-правовых нормах.

Исследование особенностей правосознания как структурного элемента правовой культуры белорусской молодежи предполагает прежде всего выяснение ее ценностного отношения к праву как явлению общественной жизни. В чем молодые люди видят значение права, какой основной смысл они вкладывают в это понятие, определялось путем предложения респондентам продолжить суждение «Право – это ...» и последующей интерпретации выбранных позиций.

Результаты исследования показали, что отношение к праву как смысло-жизненной (терминальной) ценности, в целом по массиву опрошенных, продемонстрировали 22,3 % молодых людей, в морально-правовом сознании которых право отождествляется со справедливостью, идеальной общечеловеческой ценностью, отражающей представление о должном устройстве общества, обеспечивающем соблюдение неотъемлемых прав человека.

Нормативный подход в ценностном отношении к праву представлен в высказываниях 21,8 % молодых людей, которые воспринимают право как свод правил и норм поведения в обществе. Рассматривают его в качестве гаранта, обеспечивающего порядок в обществе 19,5 % респондентов. В каждом из рассмотренных случаев право как терминальная ценность связывается с представлениями о стабильности, порядке, справедливости общественного устройства.

Отношение к праву как к инструментальной (достижительной) ценности демонстрируют те участники опроса, которые видят в нем средство, способствующее достижению других целей: считают, что право предоставляет такие возможности 20,2 % молодых людей. Полагают, что право налагает ответственность за свои действия, 22,9 %; расценивают его как принуждение 3,6 % респондентов.

Но преобладающим мнением молодых людей о праве, которого придерживаются 23,8 % респондентов, является его определение как регулятора общественных отношений (имущественных, трудовых, семейных и пр.).

Распределение полученных данных по группам учащихся, выделенных в соответствии с уровнем образования, представлено в табл. 1.

Таблица 1. Характеристика ценностного отношения к праву студентов и учащихся профессиональных учебных заведений

---

⁷ Социологическое исследование «Нравственно-правовая культура молодежи как фактор противодействия социальным девиациям в условиях инновационного развития общества» (руководитель проекта – О. Г. Лукашова) выполнено в 2011–2013 гг. при поддержке БРФФИ (грант Г11ОБ–097). Эмпирическая база исследования – анкетный опрос среди студентов и учащихся 14 учреждений профессионального образования (высшего, среднего специального и профессионально-технического).

Ценности (Право это ...)	Студенты-юристы		Студенты вузов		Учащиеся ССУЗов		Учащиеся ПТУЗов	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
... регулятор отношений (имущественных, трудовых и др.)	1	43,8	1	24,3	5	21,1	7	7,7
... правила поведения	2	36,9	7	13,6	7	16,2	4	21,8
... порядок в обществе	3	31,5	6	15,0	3	26,1	6	16,2
... справедливость	4	17,7	5	16,4	1	28,2	2	26,1
... ответственность за свои действия	5	13,8	4	17,9	2	26,8	1	32,4
... предоставление возможностей	6	13,8	2	22,9	4	22,5	5	21,1
... защищенность	7	6,2	3	18,6	6	16,9	3	25,4
... принуждение	8	2,3	8	2,1	8	5,6	8	4,2

В контрольной группе студентов-юристов доминирует отношение к праву как терминальной ценности. Первые четыре ранговые позиции определяют право как регулятор отношений в обществе, нормы поведения, порядок в обществе и справедливость.

Поскольку в молодежной среде наблюдаются деформации нравственно-правового сознания, которые на поведенческом уровне проявляются в допустимости противоправных практик, исследовательский интерес вызывает выяснение обстоятельств, при которых, по мнению молодежи, допустимо/недопустимо нарушать установленные законом нормы. В соответствии с методикой исследования студентам и учащимся было предложено выбрать одно из двух альтернативных суждений, отражающих позицию индивида по поводу либо безоговорочно строго соблюдения закона, либо возможности его нарушения в сложившихся обстоятельствах.

Согласно полученным данным, большинство – 53,2 % участников опроса – разделяют мнение, что человек может нарушить закон, исходя из сложившихся обстоятельств. Придерживаются твердой позиции в отношении неукоснительного соблюдения закона всегда и при любых обстоятельствах 45,7 % респондентов в целом по выборке. Лишь в контрольной группе студентов-юристов соотношение ответов иное: большинство студентов-юристов придерживаются позиции о недопустимости нарушения закона – 53,1 %, другие считают возможным его нарушить в особых обстоятельствах – 46,2 %. Среди студентов технических и гуманитарных (не юридических) вузов релятивистского подхода в отношении соблюдения законов («можно нарушить в особых обстоятельствах») придерживается 58,6 %, противоположного мнения (нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах) придерживается 41,4 % респондентов.

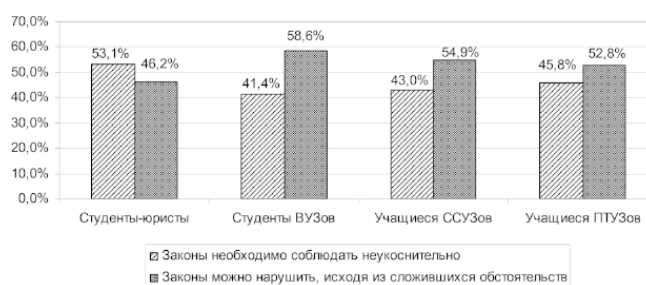

Рис. 1. Установка на соблюдение/несоблюдение законов студентами и учащимися профессиональных учебных заведений

Определенная часть студентов ССУЗов также считает возможным нарушить закон при особых обстоятельствах – 54,9 %, считают выполнение его предписаний обязательными в любом случае 43,0 %. Среди учащихся ПТУЗов придерживаются позиции о возможности нарушения норм закона, исходя из особых обстоятельств 52,8 %. На позиции неукоснительного соблюдения норм закона стоят 45,8 % респондентов.

Распределение ответов респондентов по образовательным группам представлено на рис. 1.

Исходя из полученных результатов, можно заключить, что в сознании современной молодежи не сформирована устойчивая социальная позиция личности по отношению к выпол-

нению правовых норм и законов. Доминирование в сознании большинства молодых людей взгляда на возможность нарушения законов, исходя из сложившихся обстоятельств, свидетельствует о несформированности факторов внутренней регуляции как наиболее надежной основы правомерного поведения, о социально-психологической предрасположенности молодых людей к девиантному поведению, следовательно, о дефектах нравственно-правовой культуры значительной части студенческой молодежи.

В ситуации когда достаточно большое количество респондентов убеждены в допустимости нарушения норм права, представляет интерес выяснение мотивационной структуры соблюдения/несоблюдения законов студентами и учащимися (см.: табл. 2 и табл. 3).

Как видно из таблицы, в ответах студентов-юристов и студентов вузов, а также учащихся ССУЗов преобладает мнение, что нарушение законов дестабилизирует общество, способно привести его к хаосу. Основу позиции по неукоснительному соблюдению законов этой группы молодежи составляет осознание социально-значимых причин соблюдения правовых норм. Они также отражаются и в свободных ответах на вопрос, зафиксированных респондентами: «Нарушение законов ведет к разложению общества», «Без соблюдения законов невозможно создание правового государства», «Нарушение законов ведет к ущемлению прав других людей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.